

Крымская война 2020

Николай Марчук

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Марчук
Крымская война 2020

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Марчук Н.

Крымская война 2020 / Н. Марчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Третья мировая война началась с обмена ракетными ударами между блоком НАТО и Россией. Столицы и крупные мегаполисы лежат в руинах, на полях сражений кипят яростные битвы, танковые лавины сметают все на своем пути. В этой войне не будет победителей. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Марчук

Крымская война 2020

Пролог

Сигарета никак не желала вылизать из пачки, пальцы нервно дрожали, сминая фильтр. Кисть правой руки тряслась в предательском треморе. Наконец, удалось зацепить ногтями сигарету за кончик и почти вытащить из пачки, но она выскользнула из захвата и упала под ноги, в грязь.

– Курва! – зло выругался молодой парень, сплевывая на землю. Горло пересохло, плевков не удался, так и повис на подбородке белой нитью пены.

Курильщик вытер рот рукавом, и вновь принялся за сигареты. Вторая тоже упала в грязь... и третья, только четвертую получилось затолкать в рот и прикурить.

– Найс! – блаженной выпустив струю табачного дыма в небо, прошептал курильщик.

Невысокий, коренастого телосложения, с белобрысой, коротко стриженной шевелюрой, парень стоял, облокотившись на низкий забор, окружавший школьный стадион. Молодой мужчина хмурился, тревожно оглядываясь по сторонам, выглядывая кого-то в проходивших мимо людях.

Школа располагалась внутри жилого микрорайона, стадион, был изрезан вытоптанными в различных направлениях тропинками, по которым горожане срезали дорогу. Людей вокруг ходило много, поэтому никто на курильщика не обращал внимания. А, зря! Возможно, звонок, какой-нибудь бдительной старушки в полицию, обратившей внимание, на нервного парня, спас жизни многим людям.

Замызганные джинсы, стоптанные кроссовки и потертая кожаная куртка, говорили, что их владелец не богат, но вот когда в кармане «кожанки» раздалась трель телефонного звонка, то на свет появился мобильный телефон, с эмблемой яблочного огрызка, чья стоимость превышала цену подержанных «Жигулей».

– Да, ага, понял! – коротко ответил парень.

Спрятав дорожный смартфон в карман, он достал из другого кармана телефон попроще, с кнопками и малюсеньким черно-белым дисплеем, и, набрав короткий текст, отправил смс. После чего, извлек из телефона Sim-карту, аккумулятор и выкинул все это в близлежащие кусты.

Подняв с земли пакет, парень медленно побрел по асфальтированной дорожке, шедшей вдоль футбольного поля, навстречу, по этой же дорожке, бежал школьник лет восьми.

– Привет, Серега! – криво улыбнувшись, поприветствовал ученика парень.

– Здравствуйте, – остановился, запыхавшийся от бега мальчик, – только я не Сережа, меня зовут Антон.

– А, ну, да, – хлопнув себя по лбу, вновь улыбнулся белобрысый, – точно, Тоха! Извини, я просто, о своем мелком думаю, вы же с моим Сережкой в одном классе учитесь. Слушай, Антоха, а можешь моему оболтусу телефон передать, а то он его дома забыл, а меня в школу не пускают без паспорта. И вот еще этот пакет, вашей классухе передай. Сделаешь?! На, вот тебе держи за это жвачку.

Мальчик, как замороженный взял в руки, трубку мобильного телефона, потом пакет с коробкой внутри и упаковку жвачки.

– А какому Сергею передать телефон? Смирнову или Хазову? – отбежав на несколько шагов, обернулся школьник.

– Смирнову, – крикнул парень, быстрым шагом удаляясь прочь.

Через десять минут в школе раздались длинные трели звонка и из дверей посыпались не скрывающие радости ученики, ведомые, чем-то озабоченными учителями. Еще через несколько минут к зданию школы подъехало несколько машин с эмблемами «МЧС», спасатели тут же стали помогать учителями, выводить детей из школы.

Школьников собирали на стадионе, выстраивая по классам, делалось это для того, чтобы можно было пересчитать учеников и выявить тех, кто не спустился вниз, вместе с остальными.

Рядом со школьным стадионом было припарковано несколько легковых автомобилей, ночью их было намного больше, но с началом рабочего дня, почти все разъехались, остались только парочка «дамских» малолитражек, да старенький бусик «Мерседес-208», с побитой ржавчиной крыльями.

Как только все дети были построены на стадионе и вернувшиеся из школы спасатели подтвердили, что здание пусто, классные руководители принялись в очередной раз пересчитывать учеников «по головам».

Ну, а дальше произошло страшное....

Мерседесовский фургон, припаркованный, всего в каких-то десяти метрах от первых рядов школьников, взорвался! Не было яркой вспышки, или клубов пламени, поднимающихся до неба. Нет, ничего такого не было. Просто раздался громкий хлопок, от которого тут же вылетели стекла во всех близлежащих домах и разорванный в клочья корпус машины окутался белым дымом. А потом, на школьный стадион пришла СМЕРТЬ, скрюченная старуха с косой, собрала богатую жатву.

Если бы в этот момент, кто-то очень внимательный посмотрел на крышу одного из домов, стоявшего рядом со стадионом, то он бы сильно удивился, что над парашютом торчит «айфон», закрепленный на моноподе. А, если забраться на крышу этого дома, то можно было бы заметить и того, кто снимал, происходившее внизу на камеру смартфона. Это был тот самый молодой мужчина, просивший передать пакет и телефон своему сыну в школу.

Вот только не было у этого парня, сына, учившегося в этой школе, да и сам он в этом городе, был первый раз в жизни. Он специально приехал сюда из соседней страны, чтобы совершить убийство множества людей... и он был не один.

В этот день, в трех городах полуострова, произошло пять взрывов: три возле школ и два на рынках. Все теракты были тщательно спланированы и хорошо организованы – взрывы прогремели в те моменты, когда возле места закладки бомб было наибольшее скопление людей. В общей сложности погибло семьсот сорок два человека, из них шестьсот сорок дети. Больше двух тысяч получили ранения и увечья. В республике Крым началась паника, многие боялись повторения трагедии и решили, что будет правильным на время покинуть пределы полуострова.

Поскольку, недавно открытый Керченский мост был закрыт на ремонт, то выехать с полуострова можно было только через паромную переправу. По странному стечению обстоятельств, за день до первого теракта, в опору моста, держащего на себе ажурные арки, врезался сухогруз под флагом Монголии. Экипаж сухогруза состоял из жителей Украины.

На транспортном терминале паромной переправы и прилегающих к нему улицах и районах города, собралась огромная вереница из ожидающих своей очереди на посадку машин. За считанные часы образовался затор из нескольких десятков тысяч автомобилей. Паромы чисто физически не успевали перевозить всех желающих через пролив на материк.

И в этот момент произошла еще одна трагедия, затмившая по своим масштабам, предыдущие теракты...

Транспортная площадка перед комплексом зданий паромной переправы вмещала в себя, около тысячи машин, сейчас на ней набилось больше в два раза больше автомобилей. Машины стояли настолько плотно друг к другу, что у водителей и пассажиров порой не было возможно-

сти открыть двери. Осложняла ситуацию еще и погода – задул сильный ветер, который поднял волну и не давал паромам нормально работать.

Тягач с белой кабиной, тянувший за собой цистерну сжиженным газом, не должен был здесь находиться. Все длинномеры и грузовики, переправлялись через пролив, грузясь на специализированные паромы в Торговом и Рыбном порту. Нечего было здесь делать этому газовозу...

Тягач не приближался близко к площадке, забитой легковыми автомобилями, он остановился, съехав в поле, подкатив не со стороны города, а совершенно с другого направления. Из кабины выпрыгнул водителей и побежал прочь. Никто не обратил на это никакого внимания, даже тот факт, что на голове у человека был противогаз, не вызвал настороженности... а зря! Впрочем, даже, если бы кто-то из автолюбителей или пассажиров обратили бы на это внимание, шансов спастись у них не было.

Раздался резкий металлический скрежет, задняя стенка автоцистерны вывалилась, как будто её что-то выдавило изнутри и из емкости повалили густые клубы белого дыма, которые тут же подхватывали порывы ветра, разнося смерть по округе. Сжиженный в цистерне газ был смертелен для человека, он выжигал легкие при первых вдохах.

В этот день погибло около пяти тысяч человек, еще несколько сотен умерли в страшных муках в больницах города.

Газ, вырвавшийся из цистерны газовоза, относился к классу боевых отравляющих веществ, его использование было запрещено множеством международных конвенций. Откуда эта гадость появилась у террористов, было не понятно, хотя, нет, очевидно, что за этим стояли не фанатики-одиночки, за этим стояло государство... враждебное государство!

Почерк был очень похож на исламских террористов, те тоже очень любили использовать тактику двойных терактов – вначале гремит первый взрыв, тут же на месте трагедии собирается толпа зевак, приезжают спасатели, полицейские, медики, а потом, взрывается бомба намного мощнее первой. Вторая бомба, призвана нанести больший ущерб, так как уже и народу побольше, да и представителей власти набежало немало. Здесь было тоже самое – вначале серия кровавых терактов, из-за которой началась паника и массовое бегство, а потом вторая атака, жертвами которой стало в семь раз больше людей.

Но, на этом беды маленькой республики, не закончились...они только начались!

Для того, чтобы нейтрализовать последствия применения БОВ применили спец.средства – порошок, хранимый в контейнерах, который распыляли с воздуха, чтобы охватить и обеззаразить, как можно большую территорию. Распыляли три дня, спец.средства сыпали не только с вертолетов и самолетов, его смешивали с водой и разбрызгивали с помощью обычных пожарных водяных пушек и простеньких, переносимых ранцев.

И только на третий день заметили неладное – повышение радиационного фона, причем резкое и стремительное. Когда поняли, что все это из-за того самого порошка, призванного устранить действие отравляющего газа, то было уже поздно, территория в пять тысяч квадратных километров была не пригодна для жизни людей.

Началась спешная эвакуация вглубь полуострова, где и так в последние дни обстановка была очень накалена и взрывоопасна. Дело в том, что Керчь – город в котором произошел теракт с применением БОВ, в последние четыре года был главными воротами, связывающими весь полуостров Крым с материковой частью России. Здесь располагалась паромная переправа, которая связывала республику Крым и РФ, здесь же был Керченский мост, объединивший два берега, избавивший крымчан от транспортной зависимости. Мост, кстати, на тот момент проработал всего год, вторая часть транспортной хорды, по которой должны были ходить поезда, была еще не достроена. Но загрязнение восточной части Керченского полуострова ставило крест на всем этом, получалось, что Крым становился островом, в одно мгновение отнесенным

в море на сотню километров, именно столько было до ближайшего порта, в котором могли швартоваться паромы с «большой земли».

В шахматах это называется цугцванг – такое положение фигур, в котором любой ход ведет к ухудшению позиции игрока. Получалось, что России нельзя бросать Крым, ибо в последние четыре года, когда полуостров вышел из состава соседней Украины, и перешел под юрисдикцию Российской Федерации, он стал неким символом возрождения былого величия и мощным зарядом патриотизма. Но и оставить полуостров, получалось себе дороже, так как, если он раньше приносил, хоть какую-то прибыль, пусть и несопоставимую с расходами, которые в него вкладывались. Ведущие эксперты в области экономики, сходились в одном – Крым будет приносить прибыль, в обозримом будущем, так, что можно было потерпеть и продолжать инвестировать средства в Крымскую экономику. А теперь получалось, что все зримые и незримые преференции уходили в такую заоблачную даль, что совершенно, не понятно будут ли они вообще! Это же надо: эвакуировать больше трехсот пятидесяти тысяч человек – именно столько насчитывалось по последней переписи населения Керчи и прилегающих сел. Потом всю сформированную транспортную и логистическую инфраструктуру перенести подальше от загрязненных мест и фактически выстроить заново, потому, что нигде кроме Керчи не было такого количества портов, соответственно все это надо отстраивать заново. Ну и самое печальное: как Крым, будет зарабатывать деньги? Кто будет приезжать на его курорты, кто будет пить вина, произведенные здесь, кто будет покупать продукцию крымских заводов и фабрик? Кто?!

Логичней и правильней было бы эвакуировать всех жителей полуострова на материк, а Крым оставить на произвол судьбы, согнать, к примеру, бы сюда, обитателей тюрем и зон, как в свое время было сделано с Австралией, или ссылать сюда мигрантов, наводнивших старушку Европу. Но, это у них, там... Русские не любят легких путей, они не идут короткой дорогой, они прорубают дорогу там, где им удобно!

Так началась новая веха в истории маленького полуострова.

Глава 1

«Русские не сдаются! Нас можно убить, но пабедить – никогда» – корявая надпись на бетонной опоре железнодорожного моста раздражала. Бесила не суть фразы и содержание, с этим все было в порядке, раздражала грамматика. Это ж надо допустить ошибку в слове – русские, написав с одним «с», и в слове – победить, написав его через «а»! По-любому писал малолетка, прогулявший все уроки русского языка. Хотя чего ждать от современной молодежи, привыкшей строчить смс и «табать» по экрану планшетов и смартфонов. Они, наверное, за пределами школьной программы и не пишут ничего на «бумажных носителях».

Вот помню в наше время, учили писать перьевыми ручками, макая их в чернильницы, а еще в каждой тетради, на последней странице лежала промокашка, чтобы можно было расписывать ручки или вытирать с них пасту. А еще учителя упорно «ставили» почерк, занижая оценки за каракули, сейчас уже такого нет, написал без ошибок, уже герой, а насколько там все криво и косо, бог с ним! Да и учителя уже не те! Учеников бить нельзя, кричать нельзя! Как их тогда учить уму – разума, совершенно не понятно? Вот, опять же, в наше время, не дай бог, военруку попасться под горячую руку, он как даст тебе по спине связкой ключей, так потом синяк неделю не сходит и не пожалуешься ведь родителям, потому что если отец узнает, что ты в школе выкинул, что-нибудь не так, то пониже спины будет красоваться еще один кровоподтек, но уже от отцовского ремня. Вот и приходилось вертеться как уж на сковородке, чтобы и гранит науки сгрызть, и похулиганить в свое удовольствие, и от родителей не получить «люлей». Да, что там говорить, нынешняя молодежь, даже хулиганить не умеет. Взрывпакеты делать не умеет, пугачи делать не умеет, дымовуху делать не умеет...ничего одним словом они не умеют.

– Старшой, прием! Сразу же за вторым справа домиком остановилась тачанка. Пока стоит, ничего не происходит, из салона никто не вылезает, – скороговоркой отозвалась рация, прервав мои размышления о тех и нынешних временах.

– Принял, – коротко бросил я в ответ.

Это Лешка Курган отозвался, он с Урала, поэтому и говор у него соответствующий – тудой, сюдой, пошто и тому подобное. Поначалу слух резало, а потом ничего, привык.

Аккуратно, так чтобы ветки не дернулись, спустился вниз по канаве, в которой сидел и сместился на пару метров правее, получилось как раз то, что надо – нужный мне домик, попал в поле зрения.

В двенадцатикратную оптику американского бинокля, хорошо был виден кирпичный домик и спрятавшийся за его углом внедорожник – черный УАЗ Хантер. Очень хорошо была видна морда «уазика», хозяин попытался затюнинговать машину «под гелентваген». Получилось так себе! Если издали можно было еще перепутать, то в «оптику» сразу же были заметны все отличия – и морда не та, и обводы кузова не те, короче никогда «уазика» не стать «гелеком», сколько ты его не тюнингуй. Или если коротко: тюнингуй, не тюнингуй, все равно получишь...хуй!

«Уазик» застыл монументом отечественному автопрому, стоял как вкопанный и не двигался, двери не распахивались, даже фары не светились, лишь через приоткрытое стекло передней двери поднимался вверх табачный дым, ну, или чем у них там были напичканы папиросы.

Руку даю на отсечение, что в этот самый миг, сквозь затонированные «в рубероид» стекла «недоГелика» осматривают округу, выискивая наш «секрет». Рискнут или нет?

– Первый, ну чё? Берем? Прием, – вновь ожила рация, голосом Кургана.

– Погодь, – осадил я. – Без команды не рыпаться.

Можно, конечно, достать сидящих в «УАЗе» с наших позиций, но придется бить из «крупняка», изорвав кузов внедорожника в хлам. А оно нам надо? Фиг, его знает, кто там внутри? Может Молдаван, а может, и нет. Послал этот умный птах, кого-то из своих сявок на разведку, а сам сидит в своем логове, да, водку из самовара попивает, закусывая фуагрой.

Что-то жрать захотелось...

Внедорожник еще минут десять по изображал из себя памятник, сдал назад, и отчалил в неизвестном направлении, строго на север.

– Старшой, ну, уйдут же гады, – взмолился Леха.

– Тихо будь! – рыкнул я.

Проводив внедорожник, я бережно упаковал «Леопольда» в футляр, который закинул в заспиный «хабарик». «Леопольд» – это я так ласково называл американский бинокль фирмы Leupold, конкретно мой был Leupold VX-2 Acadia 12\50 – очень хороший бинокль, защищенный от всего, что может угрожать оптике в нашем суровом мире. Больше всего мне нравился относительно малый вес, вкуче с мощными линзами. Достался, мне за копейки – все пара бутылок коньяка и «сотка» бакинских денег. Я потом специально смотрел, сколько такой новый стоит, получалось, что заплатил всего треть рыночной цены, а если учесть современное ценообразование в Крыму, то выходит, что обошелся он мне всего лишь в десятую часть истинного ценника. Так-то вот!

– Всем! Сворачиваемся и отползаем на место сбора, – отдал приказ в микрофон рации.

Ну, да, и время как раз подошло возвращаться на базу, подумал я, глядя на часы. Пока доберемся, пока «сдадимся», уже и стемнеет. Так, что пора и честь знать.

Пятясь задом, спустился на дно канавы и низко пригибаясь, двинулся по ней, метров через двадцать, канава вывела наверх в заросли орешника, тут можно было и не прятаться, все равно, камуфляж на фоне густой растительности делал меня незаметным, но повинаясь привычки, двигался аккуратно и плавно, без лишнего шума и резких движений. Береженного бог бережет!

На точке сбора – поляне с повалившейся осиной, собралась вся разведгруппа – пять человек, особо приближенных к императору, то есть ко мне: Леха Курган, он же Алексей Муромский, Витька Басурман, он же Виталий Басурин, Николай Осорин, он же Якут или Китаеза (в зависимости от моего настроения), Павел Сахаров, он же Сникерс и Серега Кашин, он же Плов.

Позывные, или погремухи (это кому как нравится) к человеку, как правило, пристают, либо от фамилии, как например, у Басурина – Басурман, либо за внешний вид, как у Осорина, он же Якут. Колян по национальности был Бурят или Бурятец, не знаю как правильно, короче разрез глаз у него был, как у японцев – китайцев, но родился он в Кировской области. Либо за дело, ну, это как у меня – Псих. Правда, подчиненные меня величали Старшой или Палыч – производное от Станислав Павлович, а полностью Станислав Павлович Крылов, семьдесят седьмого года рождения, уроженец города Брест, что в республике Беларусь. Папа – военный, осевший после выхода на пенсию в теплом Крыму, маму, я свою, отродясь не знал, она умерла, когда меня рожала.

Что еще сказать?

Школу окончил с тройками, в институт, на истфак не поступил, в армии отслужил два года, в погранвойсках, потом остался на контракт, это еще три года. В армию пошел сам, хотя и мог «откосить», все-таки по паспорту я был гражданином РФ, хоть и проживал с отцом в Украинском Крыму. Служил на границе с Афганистаном, в республике Таджикистан. После окончания контракта работал: охранником, сторожем, продавцом, строителем, монтажником, ходил пару сезонов, матросом на реке Лене. Окончил курсы бухгалтера, немного поработал по профессии, но быстро наскучило. Что еще? Женился, но неудачно, хоть ребенок и был, да видать не особо я был пригоден к семейной жизни, разошлись, официально, остались в браке, но жена с дочкой уехала к родителям. Воевал в Украине на Донбассе. Там и повстречал Якута

и Кургана. Воевали в одном отряде. Я войнушку забросил через девять месяцев, как только словил два осколка в левую руку, а Якут с Курганом, еще полгода «тянули лямку», но тоже сразу завязали, как стало понятно, что местные, «варягов» не жалуют и «тянут одеяло на себя». Но, то дело, такое – гражданская война, одним словом, не понять, кто свои, а кто чужие и за что воюем, за идею или за гроши.

Но, война в Украине научила многому, она дала больше чем пять лет в Таджикистане. На границе с Афганом было все предельно просто – все кто говорят по-русски и носят «свою» форму – наши, соответственно, все другие, кто пришел с оружием – враги и их нужно убить. В Украине все было иначе – вчерашние друзья, ночью становились врагами, когда их ловили на мародерке или нелегальном транзите угля. Как ни странно, то был еще транзит и легальный – это когда антрацит, поставлялся в Украине, с одобрения местных властей. А еще, была целая свора местных «царьков», «баронов» и «генералов», каждый из которых мнил себя пупом земли и был окружен сворой вооруженных до зубов головорезов.

– Якут, успел «гелек» заснять? – спросил я у подчиненного.

– Обижаешь, Старшой, во всех подробностях, если хоть раз увижу, вмиг опознаю, да и вряд ли по эту сторону пролива есть две такие машины, – отозвался Николай.

– Ну, и хорошо. Погнали домой.

С этими словами, моя ватага разместились в «насесте», или как его официально прозвали разработчики – ГАЗ-С42R33 Некст-Фермер. Машинка удобная и вместительная, особенно после некоторых доработок – цельнометаллического кузова, совмещенного с двухрядной кабиной. А если учесть, что борта и морда грузовика были прикрыты дополнительными экранами и щитами, защищавшими экипаж от пуль и осколков, а установленный в будке «Утес» на вращающемся станке, позволял достать любых злодеев издалека. Получался не просто ГАЗон, а мечта поэта и романтика с автоматом, такого, как, я, например. Изначально кабина «Фермера» была снежно-белой, а кузов серого цвета, но Курган и Якут, вооружившись краскопультом разрисовали машину под «городской камуфляж», то есть ломанные переходы от белого к серому и наоборот, в некоторых местах, даже проглядывалось подобие «цифры».

Конечно, крупнокалиберный пулемет, был вне закона для нашей команды, все-таки «по бумагам», мы были охранным подразделением в составе ЧОПа «Вектор», или как нас обозвали по новым документам ЧВК «Вектор». Поскольку работали мы на территории РФ, то и законы Федерации распространялись на нас в полной мере. А в законе четко прописано, что гражданские лица в мирное время не могут пользоваться автоматическим оружием, тем более крупнокалиберными пулеметами. И по закону, наш отряд, максимум, чем мог быть вооружен – это промысловыми карабинами, самозарядными винтовками, дробовиками, и тому подобным гражданским огнестрельным оружием. Но, как говорится, на войне свои законы, поэтому у нас вместо «Сайги» или «Вепря», были автоматы Калашникова «сотой» серии, пулеметы и гранатометы. На стрелковое оружие калибром выше 7.62, был негласный запрет, и официально оно стояло на вооружении только у росгвардейцев, поэтому на наш трофейный «Утес», как и на все «гранники», начальство активно закрывало глаза.

А, как по-другому, если еще в самом начале катастрофы, как только стало понятно, что часть полуострова заражена и придется эвакуировать жителей в срочном порядке, зачастую не дав им нормально собраться, в республику ринулась армия всякого рода сомнительных личностей, желавших разбогатеть на мародерстве, грабежах и разбоях. Многие из них были вооружены. А еще не следует забывать, что совсем рядом граница с воинственно настроенной Украиной, так и мечтавшей вернуть Крым под свой контроль. Хоть граница между Украиной и Крымом надежно прикрыта «федералами», но попробуй тут уследи за всем. Поэтому с той стороны частенько прорывались группы диверсантов, их, конечно же, отлавливали и уничтожали, но некоторые из них успевали «навести шороху».

Что еще?! Еще были местные бармалеи, ну, те которые – «непримиримые»; они с какого-то перепугу, возомнившие себя великим халифатом, то ли каганатом, то ли, вообще, Великой Ордой. Главное, раньше сидели тише воды, ниже травы, а как пришла толстая северная лисица в гости, так и поперло у них самомнение, как переспелое тесто из кадушки. Оружием где-то разжились, хотя, чего тут гадать, братья по вере, что живут по ту сторону моря, оружие и подкинули. В самом начале Беды, много кораблей с гуманитаркой приходило, никто их особо не проверял. А, зря! Навезли турки оружия различного и экипировки, выше крыши, да еще и своих инструкторов пригнали. Потом уж, конечно же, разобрались, что это за интересные груза к экстремистам приходят, и обрезали им этот канал, но оружия привезли валом. Местные тоже ведь не глупые, растащили все на маленькие партии, да похавали по нычкам и схронам. До, крупномасштабных боевых действий дело, слава богу, еще не дошло, но лиха беда начало – то тут, то там, обстреливали исподтишка колонны и блокпосты росгвардии, несколько раз гремели взрывы от заложенных у дорог фугасов. Причем, как показывала практика, в первую очередь, татары разбирались со своими соплеменниками, видимо намеревались создать атмосферу страха и паники, чтобы тем самым загнать в свои ряды как можно больше сторонников – стандартная практика экстремистов.

Пока получалось так, что одни татарские кланы боролись за финансовые потоки, идущие в рублях, другие татарские кланы боролись за финансовые потоки, идущие в лирах и долларах. К слову, в окрестностях Керчи жили татары, живущие за рубли, они даже свой отряд самообороны организовали, который на полном серьезе не пускал в подконтрольные им села некоторых единоверцев. Может именно поэтому, у нас и не было никаких проблем на межнациональной и этнической почве.

Вот так и живем мы в Крыму, душа в душу, только успевай патроны в магазин набивать, да дыры в шкуре латать.

В машине расселись, каждый на свое место: Басурин – за руль, Плов –спереди справа, с его стороны, как раз была закреплена «рогатка» под РПК, сзади, в кабине сидели мы с Лехой, ну, а Якут и Сникерс, разместились в кузове.

– Палыч, ну чего ты не дал нам этот «уазик» зацапать, там по-любому было чем пожить? – вновь принялся причитать Курган.

– Да, потому что, мы точно не знаем, кто был внутри. А если там кто-то из наших или казаков, или из «федералов». Оно нам надо, потом от каждого куста шарахаться? – урезонил я подчиненного.

– Да, ну, – скривился Леха, – какие на фиг «федералы»? Сразу же видно, что бандосы. Тем более, по оперативным данным, как раз в этом месте и в это время, должны были появиться злодеи. Они появились, а мы их пустили.

Я лишь отмахнулся рукой не желая продолжать бессмысленный спор. Конечно, в чем-то Леха прав, с вероятностью в девяносто процентов, можно утверждать, что в этом «гелеко-УАЗике» был кто-то из банды Витьки Молдавана. Но ведь остаются еще десять процентов и согласно проклятому «закону подлости», как правило, они и срабатывают. В машине вполне могли оказаться оперативники ФСБ, которые разрабатывают банду Молдавана.

Откинувшись на спинку сиденья, которые, кстати, были не родные, а снятые с дорогой иномарки, я прикрыл глаза и попытался задремать. Дорога домой известна, изъезжена тысячу раз, за обстановкой вокруг есть кому следить, почему бы командиру и не подумать о насущном.

Как я здесь оказался? Просто! Жил в Крыму. Когда уехал воевать на Донбасс, жена забрала ребенка и укатила к родителям на другой конец страны. Благо квартира была моя, оставшаяся от отца, поэтому я не бомжевал. Ну, а когда прогремели первые взрывы, потом еще этот отравляющий газ и, в довершении всего, радиоактивный порошок, загрязнившись землю вокруг, тут уж дома было не усидеть. Собрал кое-какие вещи в сумку, закинул на плечо

зачехленную отцовскую «вертикалку», да пошел в военкомат, на пункт сбора, где был тут же послан обратно домой.

Повезло, встретил давнишнего приятеля, через которого в свое время уезжал воевать на юго-восток Украины. Приятель, хоть и сволочь редкостная, помог – пристроил меня в отряд самообороны.

Ну, а дальше понеслось – дежурства вахтовым методом – восемь часов, через шестнадцать. Восемь часов носишься по району, как угорелый, разгребая «авгиевы конюшни», потом отсыпаешься, жрешь на скорую руку в ближайшей столовке и снова в бой. В первые дни, наш отряд насчитывал почти полторы сотни людей, но за каких-то пару дней «сжался» до тридцати человек. Кто-то не выдержал физических нагрузок, кто-то эмоциональных, ведь вокруг было столько боли и горя, что не мудрено было и умишком тронуться. В наши обязанности входило всё с чем не справлялись полицейские, МЧСовцы и ростовардейцы. Мы эвакуировали людей, порой силком выгоняя их из жилищ, тушили пожары, гоняли мародеров, помогали жильцам выносить вещи, выполняя обязанности грузчиков, сопровождали колонны с покидавшими город жителями, следили за правопорядком в ночное время. Короче, ишачили, как папы Карло и мамы Марло.

Со временем, чем меньше жителей становилось в городе, тем опасней было в нем работать, те, кто оставались, по каким-то причинам не хотели или не могли выехать на материк и вглубь полуострова.

Несколько раз нас обстреливали из огнестрельного оружия, пару раз в окна школы, которую нам отвели под базу, залетали «коктейли Молотова». Поэтому, чтобы дальше продолжать эффективно работать, всех желающих перевели на службу, в специально для этого сформированный ЧОП. Вооружили нас пистолетами Макарова и «ксюхами». Патронов выдали очень мало – шестнадцать к пистолету и девяносто к автомату. Ну и на том спасибо!

Но именно в этот момент пришло первое понимание, того, что на мирное небо над головой в ближайшее время рассчитывать не придется. На третий день, после выдачи оружия в расположение базы не вернулась патрульная группа, состоявшая из восьми человек.

Приехавшая на разбор ситуации группа следяков, выявила, что вместе с пропавшими самооборонщиками, пропали: два десятка автоматов, полсотни пистолетов и почти сотня цинков с патронами различного калибра. По бумагам все это было передано с мобскладов, руководству нашего ЧОПа, руководство, к слову сказать, то же пропало.

Оставшихся сотрудников ЧОПа разоружили и две недели продержали в кутузке, гоня каждый день на допросы, пытаясь понять, куда же делось оружие. Ну, а в городе, уже стали не редкость автоматные перестрелки и боевые потери. Дальше, только хуже, ситуация все больше скатывалась к анархии, когда все против всех и прав тот у кого больше силы. Появились бронетранспортеры и бойцы в полной боевой выкладке. Вот только в полной мере противостоять бандитам и мародерам у них плохо получалось, потому что последние, всегда могли уйти на зараженные радиацией территории и затеряться там. Ну не будешь же ты молотить по пригородам Керчи из артиллерии и СЗО.

ЧОП наш, ясное дело, разогнали к чертям собачьим, хорошо хоть на нары не определили. И вот тут мне повезло второй раз – я снова встретил своего знакомого, того самого из военкомата, на этот раз, он пристроил меня в ЧОП «Вектор», еще и словечко замолвил нужному человеку, из-за чего взяли меня сразу же на офицерскую должность – командиром группы.

На самом деле большую роль сыграли два фактора, нет, три фактора: первый – мой боевой опыт, второе – то, что я местный и хорошо знаю не только город, но и его окрестности, ну и то обстоятельство, что на «большой земле» у меня жена и ребенок, которым, я и перечисляю львиную долю зарплаты.

На момент моего прихода в ЧОП, из рядовых сотрудников там никого не было, только командир – Велехов Павел Сергеевич, два его зама – Серега Бутенко и Антон Верницкий и финансист, он же бухгалтер Эдуард Геннадьевич Всеславский.

За две недели, с большой земли, приехало полсотни бойцов, которых тут же загнали на испытательный полигон, среди приехавших были и мои протеже, те, с кем я воевал на Донбассе. Из первой волны новобранцев осталось всего двенадцать парней, в том числе Якут и Курган. Они и стали первыми моими подчиненными.

С того времени прошло чуть больше года, за это время наш ЧОП вырос в нормальное воинское подразделение, по своему штату дотягивающее численностью до полноценной роты, а если прибавить к этому все еще и штатских, призванных обеспечить нормальное существование боевого отряда, то получалось, что в штате Частной военной компании «Вектор» насчитывалось двести сорок сотрудников.

У нас был собственный автопарк, три тира, два спортзала, тренировочный полигон, мед.часть, два жилых корпуса, офисное здание, еще несколько подсобных помещений и складов – и все это на закрытой со всех сторон забором территории, которую охраняли росгвардейцы, вкупе с ВОХРой.

Для чего нам столько привилегий и плюшек? Есть на то пару причин.

Ну, во-первых, мы организовались не сами по себе, нас создали, люди, имеющие определенный вес в стране и создали нас для специальных задач, которые нельзя из этических соображений доверить гвардейцам. А нам можно! Ну, и, во-вторых, с этими самыми задачами мы прекрасно справляемся, принося много пользы и выгоды. Да, да! Самое главное, что наша структура – есть не что иное, как очень прибыльный проект, приносящий его, истинным хозяевам знатный барыш.

– Палыч, а нам засчитают боевые за то, что все утро провалялись в «секрете»? – спросил Курган.

– Леха, не будь мелочным, какие на фиг боевые, если никто даже ни разу не пальнул.

– Так, об чем базар, ща, я в окно магазин разряжу, – ухмыльнулся Леха.

– Курган, подь ты на хрен! – скривив недовольную физиономию, произнес я. – Знаешь, что жадность фраера сгубила? Мы и так за эту смену нормально заработали.

– Старшой, но можно же заработать больше, – гнул свое Леха. – Делов то пострелять по кустам, и снять все это на видео. А лишняя сотня баксов на рыло еще никому не мешала. А?! – с такой тоской и надеждой в голосе прошептал Курган, что я чуть было не поддался на его уговоры.

Действительно, если зафиксировать на камеру, что мы стреляем куда-то там и нам из этого «куда-то там» отвечают (что сделать не тяжело, посадив предварительно в нужное место бойца), то можно записать на счет группы боестолкновение и тогда нам засчитают несколько часов – «боевыми», то есть по тройному тарифу. Я точно знаю, что этот вариант приработка частенько практиковался другими группами. Но у меня на этот счет был строгий принцип – липовые «боевые» могут накликать беду и в итоге вылиться «трехсотыми» или не дай бог, «двухсотыми».

– Нет, – строго отрезал я. – А если хоть раз еще раз заикнешься о «липе», месяц просидишь на базе, получая «голый» оклад.

– Чур, меня! – отмахнулся Леха, сплюнул через левое плечо и неистово перекрестился.

Курган был очень жаден до денег и пытался их заработать любым возможным способом. На то было несколько причин: первая – его азартность, он очень любил играть в карты, частенько проигрывая крупные суммы, и вторая – его любвеобильность, а именно семеро детей, от четырех браков, коим всем надо было выплачивать алименты.

Хотя, стоит сказать, что и «голый» оклад в нашей фирме был весьма не плох – сто пятьдесят тысяч рублей, или по нынешнему курсу полторы тысячи долларов. Этих денег вполне

бы хватило на выплату алиментов, тем более что сотрудники ЧВК «Вектор» находились на полном обеспечении предприятия – проживание, обмундирование, питание, проезд, связь – все оплачивалось за казенный счет.

Но вот если к окладу добавить надбавки «за выезд», за пределы базы, плюс «суточные», плюс компенсация «за риск», то получалось, что за две пятидневные смены в месяц рядовой боец получал двойной оклад. А ведь есть еще и некоторые виды заработка, которые поощрялись начальством, то есть были разрешены и легальны. Тут, конечно, раз на раз не приходилось, но и меньше пятисот баксов, на рыло, за смену, ни разу не выходило. Так, что угроза посадить Леху на «голый» оклад, заперев его на базе, возымела успех, и он замолчал. Правда, я знал, что это ненадолго, ровно до следующего раза, когда можно будет, слегка изменить обстоятельства и заработать немного денег. Но, на это я и поставлен над этими охламонами, чтобы они ничего там не подстраивали в угоду своему кошельку.

Леха насупился и, откинувшись на спинку кресла, демонстративно прикрыл глаза, показывая всем своим видом, что спит. Смотрелось это смешно, актер из Кургана был как, пуля сами знаете из чего.

Помимо, основных и дополнительных выплат, был еще и командирский «приварок» – сумма, равная голому окладу, которая каждый месяц «капала» на закрытый счет, коим я мог воспользоваться только в случае выхода на пенсию. Понятное дело, что распоряжаться этими средствами я мог только когда стану пенсионером, причем отношения с работодателем на момент выхода на пенсию, должны быть исключительно «няшные» и «мимишные».

– За дорогой следи! – пнув ботинком по ляжке, я прервал лже-сон подчиненного. – И сканер включи, а то сидишь тут, как тридцатилетняя девственница на приеме у гинеколога, не знающая, что делать!

В кузове дружно заржали Якут и Сникерс. Плов и Басурман тоже захихикали, но более сдержанно – так как находились на расстоянии вытянутой руки от насупившегося Муромского.

Глава 2

Группа у нас была слаженная и дружная, вместе работали, вместе отдыхали. Правда, мы с Якутом как «женатики», участвовали не во всех видах отдыха, некоторые развлечения приходилось по весомым причинам игнорировать.

Даже на внешний вид парни были очень похожи между собой – все рослые, крепкие, с пышными бородами. Выделялся лишь Якут со своим раскосым разрезом глаз и ростом в метр семьдесят, да я со своей лысой, как шар черепушкой. А Леха, Пашка, Серега и Веталь – были как родные братья, особенно сейчас, когда все четверо отпустили бороды. Даже глаза у всех четверых были одного цвета – серые. Да и роста они были примерно одинакового – чуть выше метр восемьдесят. Из-за этой схожести парней частенько просили постоять в героических позах на заднем плане, когда очередные журналюги брали интервью у кого-нибудь из нашего руководства. Нас с Якутом, при этом в кадр не пускали, потому что Колян со своей не славянской внешностью портил всю картинку, а я с бритой башкой и шрамами на морде был больше похож на злодея, чем на хорошего парня, коим, собственно говоря, всегда себя и считал.

– Командир, тут тебя начальство вызывает, – передал мне танкету стационарной рации Плов.

– Семнадцатый у аппарата. Прием! – отозвался я, позывным, принятым на эту смену.

– Семнадцатый, вам надо проследовать в квадрат три, ориентир главная проходная ЗЖБИ. Ваша группа придается на усиление к гвардейцам. Как понял меня, прием?

– Понял. Вот только у нас смена заканчивается через три часа и нам надо провести «жуков» домой. Как быть? Прием.

– Семнадцатый выполняй приказ. К «жукам» уже выехала резервная группа. С этой минуты и пока не приедете в расположение, у вас идут «боевые». Как понял меня, прием?

– Все понял, выполняю! – отчеканил я.

Ничего хорошего этот приказ не сулил. Во-первых, парни устали после пяти суток дежурства, а во-вторых, третий квадрат, а именно территория бывшего завода железобетонных изделий проходила по самой границе зараженных мест и если сейчас задует ветер, то вполне можно «схватить дозу». Кратковременно нахождение на зараженной территории особой опасности не несет, так как радиационный фон там постепенно снижался и уже был не так опасен, как год назад, но с амуницией, транспортным средством и всеми нашими «ништяками» пришлось бы расстаться, да еще и неделю сходить с ума от скуки в изоляторе.

Да и сам факт, что нашу группу «частников» придают на усиление гвардейцам, которых мы никак не могли усилить, вызывал недоумение, переходящее в опасение. Чем мы могли усилить росгвардейцев с их БТРами и БМП? Разве, что развлечь их анекдотами, да сальными историями из личной жизни Лехи Кургана. Но, с другой стороны, во всяком военном деле есть множество нюансов незаметных постороннему глазу, например, когда своих подчиненных не хватает, то можно позаимствовать «у соседей» взвод для того, чтобы перекрыть какой-нибудь второстепенную дорогу. Да, мало ли, для чего мы нужны? Была бы шея, а хомут всегда найдется!

– Ну, шо Леха, дотрынделся? – пнул я друга еще раз. – Накаркал? Пошли нам «боевые» в зачет, пока на базу не вернемся, будет нам тройной счетчик тикать.

– Уау! – воскликнул Леха. – И, шо нам надо за это сделать?

– Гвардейцев на ЗЖБИ усилить, не справляются они без нас, – хмуро ответил я. – Сникерс, доставай из ящика: накидки, «газики», буцы и дозиметры, чую пригодятся они нам.

– Старшой, а если мы на базу только утром вернемся или вообще через неделю, нам, что так все это время и будет идти в «боевой» зачет?

– Типун тебе на язык, в гробу я видал ночные вылазки. Ни за какие деньги мы не будем ночевать «в поле», – отмахнулся я. – Да и не подпишет нам бухгалтерия такую платежку, даже и не мечтай.

– Жаль.

Дорого к пункту сбора заняла двадцать минут, за это время я успел переобуться, сняв купленные на собственные деньги ботинки и нацепив казенные берцы, которые совершенно не жалко было сдать в утилизацию после возвращения домой. Еще пришлось снять куртку и перевесить РПС, надев на себя короткий плащ, призванный защитить на какое-то время от радиации. По инструкции положено было надеть еще комбинезон и бахилы. Но, воевать в таком облачении было неудобно, поэтому чаще всего на инструкции забивали, потому что, если дозиметр покажет повышенный фон заражения, то мы развернемся и уйдем.

Площадь перед заводоуправлением ЗЖБИ, рядом с которой и располагалась главная проходная завода, пустовала, хотя обычно здесь был стихийный рынок, на котором местные «барахольщики» продавали заезжим перекупам различное добро, добытое в заброшенных домах и квартирах. Время бытовой техники, вещей, электроники и прочего ширпотреба давно прошло, все самое ценное, выгребли еще в первые два – три месяца. Сейчас на стихийных рынках в основной «толкали» цветмет, стройматериалы, автомобильные запчасти и инструменты.

На всякого рода барахольщиков, мародеров и прочих «мусорщиков» мы смотрели свысока, хотя, по сути, были абсолютно одинаковы, различия лишь в масштабах. Наша организация вывозила ценное имущество в крупных промышленных масштабах, не размениваясь по пустякам, ну, а мне и таким как я сотрудникам ЧВК «Вектор» по роду службы надо было охранять весь этот процесс.

– Здорово, парни! Кому тут у вас помощь нужна? – задорно крикнул Плов, обращаясь к двум гвардейцам, сидевшим на скамейки возле проходной.

– «Вектор?» – коротко спросил один из гвардейцев.

– Ага, – широко улыбаясь, ответил Кашин.

– Поедите прямо, на первой развилке повернете вправо, а там уже увидите, – махнул рукой гвардеец, указывая себе за спину, вглубь территории ЗЖБИ.

– А, чё, ваще за кипишь, парни? – вновь спросил Кашин. – И не знаете, на кой ляд, мы понадобились?

– А хэзэ его знает, – пожал плечами второй гвардеец, – бандосов блокировали в доме, а вас, зачем выдернули не понятно. Наверное, для солидности, тут минут двадцать назад казаки на двух БТРах проехали. Их тоже не понятно, для чего дергают.

– Ладно, бывайте! – крикнул Плов на прощание и ГАЗон сорвался с места.

– Ну, и что думаешь, командир? – спросил Якут.

– Ничего не думаю, прибудем на место, разберемся. Если все сложится удачно, то отсидемся в тылу. Все-таки не наше это дело бандосов из схронок выкуривать.

– Это точно! – согласился Якут.

– Эй, вы только если, что сразу на базу не возвращайтесь. Надо время потянуть, все-таки тройная оплата, – вмешался в разговор Курган.

– Гольй оклад, – демонстративно не глядя на Леху, напомнил я.

– А, я что? Я ничего! Так, просто, напомнить решил.

Первая развилка попала в метрах в ста от проходной, повернули направо. Под колесами ГАЗона была грунтовка с вкраплениями старого асфальта. Завод железобетонных изделий умер еще в конце девяностых, потому что заточен был только под изготовление панелей для крупного строительства высотных домов. Не стало плановой экономики – не стало многих предприятий, на которых трудились миллионы людей. Такую страну просрвали, коммунаки хреновы! Батя, мой, все время эту фразу повторял.

За те двадцать лет, что прошли с момента остановки завода, его потихоньку разворовали, перепродавая то одним, то другим хозяевам. В некоторых цехах и складских помещениях долгие годы «сидели» дельцы, промышлявшие, кто изготовлением тротуарной плитки и заборов, кто приемкой вторсырья, было еще пару автомастерских и мелких кооперативчиков, специализирующихся на металлоизделиях и столярке.

Ну, а последний год, сразу же после тех самых событий ЗЖБИ превратился в зону отчуждения – сказывалась близость с загрязненной территорией. Здесь теперь можно было встретить лишь «мусорщиков», которые потрошили близлежащие гаражи, да мародеров с бандитами, которые уходили в грязные земли, спасаясь от гвардейцев.

Наша машина проехала с полкилометра, петляя между цехов, когда нам навстречу выскочил БТР-80 с опознавательными символами Крымского казачества. Басурман кинул машину вправо, подмяв придорожные кусты и пропуская бронетранспортер. Сидевшие на броне парни в «горках» и с кубанками на головах, радостно засвистели и замахали руками. Басурман в ответ показал им дулю и грозно помахал кулаком. Казаки еще громче засвистели, но бронетранспортер не остановился и попер дальше.

Виталий машину из кустов не выводил, справедливо полагая, что скоро должен появиться второй БТР, тем более, что рев его двигателя отчетливо приближался. И действительно через несколько секунд из-за поворота вылетел второй БТР.

Бронетранспортер поравнялся, с застрявшим в кустах ГАЗоном и резко остановился. Из открытого водительского люка торчала голова в шлемофоне.

– Здорово, мародеры? – из люка БТР высунулся коренастый мужчина. – Чё, на усиление прислали?

– Ага, пан Атаман. А вас, чего же не взяли? – злорадно подколол я казака. – Видать выгнали?

– Да, конечно. Ты, ври, да не завирайся, – коренастый закурил, внимательно осматривая наш ГАЗон. – В обход послали, перекрыть возможные пути отхода.

– Пирожок, братка, а может мы с вами? – пришла мне в голову удачная идея. – Свяжись с руководством, скажи, что нас забрал к себе в подчинение.

– Не, Стас не могу. Вас там ждут. Знаешь кого там выкуривать будут?

– Кого? – спросил я, чувствуя какой-то подвох.

– Саню Бородача. Федералы хотят, чтобы ты его уговорил сдать.

– Японский ты городской?! – удивленно воскликнул я. – Допрыгался все-таки урод мелкий. Вот сколько раз я ему говорил, чтобы не лез на рожон. Чего он хоть натворил в этот раз?

– Устроил засаду на ФСБешников. Двоих застрелил, одного – майора захватил в плен. Но, дурень такой, умудрился попасть в объектив камер, в итоге его вычислили за час.

– Да-а, – глубокомысленно прошептал я, переваривая услышанное. – Подожди, а почему федералы тебя не озаботили упрашивать сдать Бородача?

– Дык, я с ним на ножах. Он мне денег должен и отдавать не хочет, – отведя взгляд в сторону, соврал коренастый. – Ладно, бывай Стас, нам ехать пора, – мужчина ловко юркнул внутрь машины.

БТР рыкнул движком и поехал дальше по дороге.

Наш ГАЗон тоже долго не стоял в кустах, и уже через несколько минут мы подъехали к скоплению машин и людей.

Два БТР-82А росгвардии, несколько «Медведей», три «Выстрела», два «Тигра» и с десяток разнокалиберных легковушек от «Патриотов» до «Крузаков». Вокруг техники кучковался личный состав. Так, интересно, если здесь столько техники и народу нагнали, то сколько же сейчас в оцеплении стоит? Рота? Батальон гвардейцев?

Начальство я нашел сразу – рядом с одним из «Выстрелов» стояло пятеро мужиков в возрасте, которые внимательно слушали невысокого паренька в лохматом камуфляже. Еще на

капоте «Выстрела» были разложены топографические карты, какие-то бумаги и еще несколько непонятных коробок.

Двоих из пятерки я знал лично, это были Федор Всеволодович Камышев и Руслан Игоревич Озеров. Камышин – тот самый, мой давнишний знакомец, который в свое время помог мне уехать воевать на юго-восток Украины, а потом пристроил, вначале в отряд самообороны, а после в ЧОП «Вектор». Сейчас Камышев занимал пост военкома города. В нынешние времена это была одна из ключевых фигур в округе. Второй мой знакомый – Руслан Озеров, был «замком» по огневой и физической подготовке в местной в/ч росгвардии. Озеров мужик был очень правильный, фанат своего дела. Он лично организовывал турниры и соревнования по различным видам стрельбы, привлекая к этому делу всех, до кого мог дотянуться. От нашей организации обычно ездила команда под моим непосредственным руководством. На почве любви к оружию мы с Озеровым и сдружились, потом, кстати, выяснилось, что он два месяца воевал в составе «отпускников» на Донбассе.

– Здорово Станислав, – первым протянул руку для рукопожатия Камышев. – Что-то вы не слишком торопились к нам. Больше час вас ждем.

– У нас смена, как мое руководство поставило перед мной задачу, так я сразу же вам и явился, – ненавязчиво подчеркнул свой статус, ну, чтобы не забывали, что я совершенно не их подчиненный. – Что надо делать?

– Стас, ты же знаешь Александра Решетилова, он же Решето и Бородач?

– Знаю.

– А знаешь, что он натворил? – строго спросил Федор Всеволодович, таким тоном, как будто это я, а не Саня федералов расстрелял.

– Ну, так, в общих чертах, – уклончиво ответил я. – От меня то, что требуется?

– Ты же местный? – влез в разговор высокий коренастый мужчина, очень сильно похожий на полковника Панчина, главу местного ФСБ. – Нужен твой совет. Сгоняй с нашим бойцом, – кивок в сторону молодого парня в лохматом камуфляже, – посмотри, куда Бородач может уйти из своей норы. Разведка взяла одного из подельников Решетилова, тот утверждает, что в подвале дома есть подземный ход.

– Подожди! – перебил полковника Камышев. – Может лучше Стаса отправить на переговоры с Решетиловым? Вдруг он уговорит его сдаться?

В этот момент все присутствующие заинтересованно посмотрели на меня, ожидая реакции на слова коменданта.

– Не пойду я ни на какие переговоры, – твердо ответил я. – Решетилов не дурак, чтобы сдаваться. Он дождетя темноты и пойдет на прорыв. Тут без вариантов. Если хотите получить своего человека, то начинайте штурм как можно скорее, – посоветовал я.

– Хочешь, можешь пойти в первом ряду, – подколот меня Озеров. – Я тебе щит дам и «Вереск». Бородач засел в подвале большого дома, там, скорее всего, есть проход в катакомбы. Его даже газом не вытравить, – Озеров кивнул на свой противогаз висевший на поясе, как бы намекая, что такой же есть и у Бородача.

Ну, да в этом Руслан прав, противогаз – неотъемлемая часть экипировки, любого кто приближается к зараженной территории ближе, чем на десять километров.

Значит, идти на штурм подвала совмещенного с подземными ходами глупо. Только зря бойцов положить. Получается, что единственно верная тактика – это выждать, когда Решетилов решится на прорыв, и перебить их всех на выходе. При этом, я больше чем уверен, что о сохранности жизни захваченного майора никто особо не парится, ибо, тот человек военный и в случае его гибели, его наградят посмертно, а семья получит компенсацию, ну коллеги еще помянут.

– Я не знаю всех выходов из катакомб, – начал я. – Там их может быть несколько десятков. Могу показать наиболее известные, но не факт, что они соединяются с подвалом Бородача.

– И на том спасибо, – ответил за всех Камышев. – Поступаешь в подчинение вот к этому молодцу, – комендант кивнул на парня в лохматом камуфляже.

Я кивнул в знак прощания и отошел в сторону.

– Сергей, позывной Серый, – представился парень в лохматом камуфляже.

– Стас, – ответил я. Свой позывной называть не стал, потому что не фиг.

При ближайшем рассмотрении Серый оказался не таким уж молодым. На вид уже есть тридцатник, лицо открытое, с волевым подбородком, серыми глазами, тонким носом и белесыми, едва заметными бровями. Из оружия у него был «Винторез» и на груди кобура с чем-то скорострельным и компактным, судя по обводам, это был ПП-2000.

– Сколько надо бойцов, чтобы перекрыть все выходы из катакомб? – спросил Серый.

– Человек сто пятьдесят – двести, – не задумываясь, ответил я.

– А если серьезно? – Серый подумал, что я шучу.

– Я серьезно. Ну, сам посуди, на пяточке три на три километра больше двадцати выходов. Если к каждому выходу поставить хотя бы по отделению, то, как раз, получится двести бойцов.

– У нас столько нет. Надо перекрыть только самые вероятные пути отхода. Особенно те, что ближе всего к логову Бородача.

– Да ради бога, мое дело маленькое – показать, а там сами решайте, нужно вам их блокировать или нет, – равнодушно махнул рукой.

– Договорились, – хлопнул меня по плечу Сергей. – Выдвигайтесь, мы следом за вами.

Я кивнул в знак согласия и пошел к «наместу».

– Ну, чё парни, все не так страшно, как я думал, – сообщил я своим подчиненным ожидавшим меня возле ГАЗона. – Надо всего лишь расставить гвардейцев «по номерам», и дожидаться пока нас не отпустят домой. Но, учтите мы все-таки на боевом задании, поэтому ушами не хлопать, если нарвемся на людей Барадача, валим их первыми. Понятно.

– Так вроде у них заложник есть? – уточнил Якут, намекая на захваченного в плен майора.

– Ну и черт с ним, – ответил я. – Это его проблемы. Специально его валить не надо, но и мешкаться выцеливая врага никто не будет.. Ладно, даст бог, нам и стрелять не придется. Разведем гвардейцев по нычкам, и откатимся куда-нибудь подальше в тыл. Скоренько проверили оружие, нацепили белые опознавалки и погнажи.

Якут выдал всем «опознавалки» свой – чужой, полоски белого цвета, их надевали на предплечье, чтобы в бою было понятно, кто есть кто. Это во второй мировой войне было просто – по форме сразу можно было понять кто свой, а кто немец, а сейчас попробуй разбери ху из ху. Еще на Востоке Украины, я привык цеплять на рукав намотку из бинтов, особенно это помогало во время совместных с другими подразделениями операций. Мы цепляли белые повязки, а «укропы» желтые, так и отличали друг от друга.

В автомате заменил магазин, на бубен от РПК. Все-таки если нарвемся, хотелось бы иметь превосходство в первые секунды боеконтакта. В бубне 75 патронов, против 30 в стандартном магазине. Нам как-то прислали модные четырехрядные магазины на 60 патронов, но, во-первых, они были под патрон 5,45, а во-вторых, что-то с ними было не то – частенько в полупустом магазине, при резкой тряске патроны становились «раком». Так и остались «модные» магазины пылиться на складе.

Ну, вроде все на месте: АК-103 с пристегнутым бубном висит на груди, на поясе слева и справа подсумки со спаренными магазинами, всего двенадцать магазинов по тридцать патронов в каждом. На бедре «под правую» руку платформа-кобура с Глоком-17, запасные магазины к нему в карманах «разгрузки», там же ИПП и аптечка.

Собрались быстро, и пяти минут не прошло, расселись по своим местам в ГАЗоне и отправились в путь. К нам в хвост пристроилась колонна из двух «Тигров» и одного «Медведя».

Машины выехали за территорию ЗЖБИ, свернули влево, объезжая застроенный послевоенными бараками квартал и проскочив «железку» покатали по грунтовке. Далеко слева остался небольшой поселок, именуемый в народе Горка. В одном из домов этого поселка, а именно в бывшем здании библиотеки и запрятался Бородач. Знал я этот домишко, бывал там не раз и не два. Действительно в подвале дома был спуск в катакомбы, но проход был завален камнем, потому что хозяева дома боялись нашествия крыс из подземелья. На разбор завала уйдет несколько часов, потом банда уйдет по тоннелю, который уходит в неизвестность. Где они выйдут на поверхность и выйдут ли вообще, фиг его знает?!

Как только проскочили небольшую посадку, свернули в сторону Горки и подъехали к подножию невысокого кургана.

На вершину кургана поднимались четвером: я, Якут, Серый и его зам, который тащил в руках плоскую сумку с планшетным компьютером внутри. Как только поднялись на вершину холма, мы с Серым принялись осматривать окрестности в «оптику», а Якут бросился помогать гвардейцу наносить на электронную карту местности возможные точки выхода из катакомб на поверхность.

Пока мы возились на высоте, гвардейцы внизу запустили в воздух несколько беспилотников, с помощью которых планировалось засечь бандитов. У меня, кстати, очень неплохая идея родилась – а что если дождаться темноты и с помощью тепловизоров засечь бандитов, а потом, с тех же беспилотников нанести по ним удар. Я тут же поделился своими мыслями с Серым, но он отверг их, как слишком фантастичную – модели их беспилотников не позволяли цеплять на них вооружение и применялись только для визуального наблюдения с помощью камер. А жаль, так бы, – хрясь! и покатались клочки по закоулочкам, а мы такие сидим на раскладных стульчиках и смотрим на экране планшета, как ракеты класса «воздух-земля» накрывают банду Решетилова. Размечтался!

Только находясь на вершине кургана и оглядывая изломанное рытвинами и провалами поле внизу Серый понял, почему нужно так много людей для надежной блокировки бандитов. Выходов из-под земли вокруг полно и чтобы все перекрыть понадобится не меньше роты, а лучше целый батальон.

На вершине кургана разместили наблюдательный пост и группу быстрого реагирования с «Тигром» у подножия в придачу. Остальных бойцов расставили на тех точках, которые не просматривались с наблюдательного пункта. Все это заняло больше двух часов.

До наступления темноты оставалось часа три, так что я планировал побыть здесь еще пару часиков, а потом отбыть на базу, чтобы как раз добраться засветло.

Оставив Серого с его бойцами сторожить выходы из катакомб, мы поехали обратно на ЗЖБИ, чтобы привести каких-то там спецов с дистанционными микрофонами, позволявшими уловить движение людей под землей.

ГАЗон проехал по проселку через посадку, метров через двести, должен был показаться поворот на «железку», а там пара минут и мы на месте.

– Справа движение, – произнес Якут, указывая на опушку посадки, там где чахлые деревца заканчивались и дальше шло, лишь заросшее бурьяном поле. – Гляньте, там пацик какой-то крадется.

– Сворачивай, – приказал я водителю. – Догоним и берем. Смотрите в оба!

ГАЗон свернул с колеи и, протиснувшись между двух кустов, вырвался на поле. Пацаненок, одетый в черный дутый пуховик, заметил нас и пустился наутек. Грузовик прибавил ходу и через минуту погони, до бегущего впереди пацана оставалось всего каких-то пара метров, но мелкий дрыщ, резко прыгнул в сторону и...исчез.

Водитель резко нажал на тормоз и все кто был не пристегнут, повалились вперед. Открыв дверь, я выскочил наружу, вскидывая автомат. Извилистая узкая расщелина, едва заметная в траве, на ее дне заметны торчащие из стены ноги – паренек пытается залезть в какую-то нору.

Автомат дернулся несколько раз, и короткая очередь прошла темноту расщелины. Пули попали в ногу, которую паренек не успел убрать. Раздался дикий вопль. Было видно, что пуля калибра 7,62 попав в голень, оторвала приличный кусок мяса.

– Якут вниз, – приказал я. – Зацепишь за ноги веревкой и вытащим наверх. Остальные прикрывайте.

Якут сноровисто спустился вниз, обмотал ноги паренька веревкой и выбрался обратно наверх. Вдвоем с Николаем мы вытащили раненного наверх, тот отчаянно хватался пальцами за камни и ругался почему зря.

– Кто такой? Почему убежал? – злобно ощерившись, выкрикнул я в самое лицо паренька. – Быстро отвечай! Где Бородач? Отвечай! – Ствол автомата с еще горячим после стрельбы пламягосителем уперся в правую щеку раненного. Я надавил и послышался зубной скрежет. – Отвечай, а то убью!

– Я не знаю! – истошно закричал раненый и забился в нервном плаче.

Парень извивался всем телом, пытаясь освободиться от веревочных пут. Получалось плохо – ноги и руки были стянуты на совесть, а веревка на ногах, между прочим, заменяла жгут, остановив кровотечения из ноги. Что-то мне не нравилось поведение мальчика, чувствовалась какая-то фальш. Хотя может все дело в шоке от ранения. Ладно, устроим еще одну проверку!

– Он нам бесполезен. Добить и сбросить в расщелину, только травой присыпьте, чтобы его до темноты не нашли, – выждав несколько минут произнес я. – Не забудьте снять с него веревки и оглушить, чтобы он от потери крови сам загнулся.

Якут прочитал в моих глазах, что я задумал и принялся развязывать узлы, громко комментируя, что сейчас будет делать. Может моя реплика, а может деловитое спокойствие, с которым Николай развязывал веревки, сделало свое дело, и парень, выгнувшись дугой, злобно прошипел:

– Ладно, суки, хорош, триндеть все расскажу, только перевяжите и дайте уползти, – совершенно другим тоном потребовал малец, и куда только делась нервная истерика?

Хрясь! – с размаху, пнул парня по раненной ноге:

– Еще раз вякнешь в нашу сторону что-нибудь подобное и уползать будешь, волоча за собой кишки. Понял? – процедил я, вытаскивая из кармана небольшой складной нож.

– Где выход на поверхность из логова Бородача? – спросил я, уперев острие ножа в висок мелкому, на виске была набита татуировка в форме иероглифа. Кончик клинка с легкостью пробил кожу и рассек вену, кровь хлынула тонким ручейком, заливая глаз, щеку и ухо. Татушка на виске вмиг окрасилась в гранатовый цвет. – Отвечай быстро и четко.

– Под железкой где была весовая, есть выход наверх. Парни смогли разобрать узкий лаз, я едва протиснулся. Послали на разведку, но я думал сбежать в одиночку, а тут вы.

– Сколько с Бородачом человек?

– Шестеро, не считая баб, – замешкался с ответом мелкий.

– Врешь, – констатировал я, надавливая на лезвие ножа и ведя клинком вдоль по лбу. Глубокая борозда тут же наполнялась кровью, заливая лицо подранка.

– За что?! – истошно закричал мелкий, – я же отвечаю на ваши вопросы! Не знаю, сколько с ним людей, может еще кто-то есть. Я сразу же ушел, как только верхний ряд камней сдвинули.

– Ладно, хрен с тобой. Ползи куда хочешь, – выпрямившись, проговорил я, убирая нож в карман.

– Хоть рану перевяжите или дайте бинт и жгут, – деловито попросил мелкий, садясь на землю.

– Обойдешься, – огрызнулся я. – Все в машину.

– Козлы! – тихо пробубнил себе под нос раненый.

Я обернулся, огляделся вокруг, и, отойдя на несколько метров в сторону, выпустил из автомата короткую очередь. Мелкий, как раз попал на одну линию с расщелиной, пули угодили

в голову, разорвали её на несколько частей, как переспелый арбуз. Обезглавленное тело завалилось на бок и по инерции скатилось вниз – глухой стук сообщил, что труп упал на дно.

– По машинам! – прикрикнул я на своих подчиненных, застывших солеными столбами у ГАЗона. – Чего уставились?

Первыми от увиденного «отошли» Якут и Курган, все-таки парни побывали на войне, да и меня видели в деле не раз и не два. На настоящей войне и не такое бывает.

– Зачем ты его убил? – тихо спросил Сахаров. Он у нас был самым молодым и еще «не обстрелянным» бойцом в группе. – Надо было его перевязать и сдать гвардейцам.

– Вот еще! – огрызнулся я. – Во-первых, я командир, и только я решаю, что надо делать и как. А во-вторых, некогда нам с ним возиться, у нас каждая минута на счету, так, что нет мне дела до всяких ублюдков. И, в-третьих, надо ориентировки зазубривать наизусть, и тогда глупых вопросов задавать не будете.

– В смысле? – нахмурился Сникерс.

– В коромысле, – передразнил его я. – Рост 150-155 см. Коротко стриженный, шуплого телосложения, черты лица мелкие, на правом виске татуировка в форме иероглифа, – продекламировал я вслух текст из одной ориентировки, что целыми стопками лежат на столе в «дежурке», и вместо обоев заклеены все стены в той же «дежурке». – Ничего не напоминает?

– Не знаю. Не помню, – честно признался Сахаров.

– Три недели назад, совершил изнасилование и убийство. Был задержан казачьим патрулем, но те егопустили, подумав, что такой шуплый дрыщ не окажет должного сопротивления, а он порезал одного из казачков, причем его же кинжалом, – вспомнил ориентировку Плов. – Угадал?

– Ага, – кивнул я. – Так, что такую мразь опасно было оставлять при себе. У нас и так каждый ствол на счету. Плов, выпускай нас здесь, а сам с Сахаровым объедете вон тот бугор, и тогда «железка» с нужной нам хибарой будет у вас как на ладони. И вызови подмогу. Басурман, хватай ПКМ и занимай позицию вон за тем деревом. Якут, Курган вы за мной.

Выпрыгнув из машины, я быстрым шагом двинулся вдоль железной дороги, до цели – бывшей весовой было всего метров сто-сто пятьдесят. Надо было пробежать совсем чуть-чуть, взобраться на невысокий пригорок и нужная нам постройка окажется в зоне видимости, при этом наша позиция будет защищена, а все кто вылезет из подвала весовой, попадет под перекрестный огонь с трех точек. Нам надо было всего лишь заблокировать выход на поверхность и дожидаться приезда гвардейцев. И все, можно было бы ехать в тыл, жрать гречневую кашу с тушенкой.

Не добежали!

Не успели...

Совсем немного не хватило, буквально пары секунд!

Четверо мужиков, одетых в разномастный камуфляж и вооруженных чем попало, выскочили на нас совершенно неожиданно, ну, или мы на них выскочили. Какая фиг разница?! Столкнулись не нос к носу, разделяло нас метров сорок, но все равно было неожиданно. Хорошо, что уровень подготовки у нас был на порядок выше, чем у врага.

Мой «сто третий» разразился длинной очередью, пули стеганули перед бегущими в нескольких метрах, заставив их на мгновение замереть соляными столбами. Я тут же взял повыше и полоснул от души, разряжая «бубен», одной длинной, непрерывной, злой очередью. Стрелял, падая на колено, чтобы хоть как-то смазать и сжать свой силуэт.

Те, двое, что бежали по центру, получили порцию свинца в грудь, очередь прочертила их по диагонали, зацепив ноги и торс. Обоих снесло назад, как кегли в боулинге, по которым, тараном ударил шар. Те, что бежали по краям, попадали на землю и скрылись из виду.

Добив остатки патронов в барабане, упал на живот и отполз за ближайший камень, торчащий из земли. Каменюка прямоугольной формы, надежно прикрыла меня. Заменял пустой

бубен на полный магазин «тридцатку». Слева Якут стрелял короткими очередями в сторону врага, не давая им подняться.

– Красный! – крикнул я, передергивая затвор.

– Белый! – крикнул Якут, плюхаясь на землю.

Я высунулся из-за камня и открыл огонь из автомата, бил короткими очередями.

Команда «красный» – означала, что боец заменил магазин и готов вести огонь, а команда «белый» – строго противоположна и означает, что стреляющему требуется перезарядка.

Курган не стрелял, он, пригнувшись к самой земле, подкрадывался к врагу справа, обходя, по самой короткой траектории. Еще немного и он приблизиться на расстояние достаточное для уверенного броска гранаты.

– Белый! – крикнул я, прячась за камнем.

Заменил пустой магазин на полный.

Автомат Якута вновь зачастил короткими очередями, прижимая врага к земле и не давая ему возможности поднять головы.

На настоящей войне так всегда, девяносто процентов всех выпущенных пуль летят не в живую цель, а лишь «в сторону» врага. Их цель – отогнать, не дать поднять головы, прижать к земле, удержать на расстоянии, ну и так далее.

Со стороны весовой никто не стрелял. Но это еще ничего не означает, Скорее всего, вражины затаились и ждут, пока мы поперем на них в полный рост. А вот тут они не угадали. Ищи дураков!

– Граната, – прозвучала короткая команда Лешки, в динамике рации.

Ага, ну сейчас начнется! – подумал я. Грохнул разрыв гранаты. Ну, как грохнул? Я бы сказал – пукнул. Ручная граната взрывается не так эффектно как по телевизору в боевиках, нет ни клубов огня, ни громоподобного взрыва.

Казалось, что мое тело подскочило и бросилось вперед само собой – мгновение после разрыва гранаты, и я уже бегу, держа автомат перед собой. Цель – очередной камень, торчащий из земли, за которым можно укрыться. В десяти метрах слева, бежит Якут. Лежа прикрывает нас справа. Если, что, то Бусурман с пулеметом, прижмет всех, кто вылезет наружу. Пулемет – наш козырь, и его пока рано швырять на стол.

До укрытия оставалось всего пара метров, когда навстречу мне вылетели камни.

Бля! Это не камни.

Это Гранаты!

В укрытие!!!!

– Ложись! – заорал, что есть мочи и плюхнулся животом в траву, жесткие стебли больно стеганули по лицу.

Бах! Ба-бах! Бах! – захлопали гранаты совсем рядом. Порыв взрывной волны пролетел надо мной, камешки или осколки цокнули несколько раз в шлем. Ебанный ты папуас!

Выставив автомат перед собой, открыл огонь. Стрелял вперед, в ту сторону, откуда мог появиться противник. Глаза засыпало землей, обзор никакой, но я планомерно продолжал жать на спуск. Позади бил пулемет Бусурмана. Справа трещал автомат Кургана. Слева – тишина. Почему молчит Якут?

Перекатился несколько раз влево. Заменил магазина в автомате и снова открыл огонь. Отстреляв еще один магазин, снова перезарядился и, привстав на одно колено, оглядел поле боя.

Те двое, которых я свалил одной очередью, так и лежат в траве. Чуть позади них, метрах в трех еще одно тело. От разрывов гранат загорелась сухая трава. Огонь никто не тушит, все заняты. Курган, укрывшись за рельсами, стреляет из подствольника, заколачивая гранаты в стены весовой. Увидел Якута, тот, стоя на одном колене стрелял из пистолета – такого же Глока-17, как у меня.

Бывшая весовая – это невысокий домик размером шесть на десять метров, стены были выложены из камня-ракушечника, крыша перекрыта шифером, по три узких окошка с каждой длинной стороны дома и вместо дверей – четырехметровые ворота. Те ворота, что были ближе к нам, обвалились и валялись на земле. Вот в темный провал весовой, и целил я, и мои подчиненные.

Наш ГАЗон подкатил с обратной стороны весовой и Сникерс, принялся щедро поливать из «Утеса». Тяжелые пули калибром 12,7 мм с легкостью пробивали каменную кладку, прошивая помещение насквозь.

– Ну, все, теперь можно, хоть в полный рост и прогулочным шагом к весовой прогуляться, – подумал я, но так и остался стоять на одном колене, прячась за высоким валуном.

Из-за деревьев лесопосадки выскочили два БТР-80 и лихо развернувшись мордами к «железке», покатали в нашу сторону. Казачки ссыпались с брони и пристроились плотненькой парной группой в кильватере бронетранспортеров.

Плов благоразумно сдал назад, уводя наш ГАЗон с дороги БТРов. Это он правильно сделал, а то машина весов в тринадцать с лихуем тонн, так бортом зацепит, что потом только на металлолом ГАЗончик сдавать.

Стволы башенных КПВТ синхронно окрасились дульными вспышками и через несколько мгновений весовая перестала существовать. Мощные пулеметы Владимирова, стреляющие теми же пулями, что и противотанковые ружья времен Великой войны, срубили каменные стены, обвалив крышу. В довершении всего, один из казаков отбежал немного в сторону и, вскинув на плечо РШГ-2, она же реактивно-штурмовая граната, и выпустил заряд. Грохнул взрыв, и руины весовой загорелись. Боеприпас объемного взрыва сработал на славу! Старые стропила и перекрытия крыши весело запылали оранжевым пламенем.

БТРы объехали руины весовой с разных сторон и застыли, развернув стволы пулеметов в разные стороны. Казаки рассредоточились вокруг, беря часть «железки» в надежный капкан.

Я по радиации вызвал своих ребят, приказав, чтобы они собрались у подъехавшего ко мне ГАЗона. Якут оказался ранен, осколки гранаты зацепили ему правую руку, оставив две глубоких царапины. Рану обработали в два счета. Самой большой потерей был автомат Якута, в него тоже попали осколки, приведя АК-103 в полную негодность. Но с другой стороны, именно автомат спас Якуту жизнь, потому что им он прикрыл голову, когда плюхнулся по моей команде на землю. Нам повезло, что бандосы в арсенале имели только безосколочные гранаты РГД-5 и РГН, будь у них «феньки» или РГО, то, фиг бы мы отделались так легко. А, так получилось очень даже ничего – бандиты под прикрытием гранат, рванули на прорыв, но нарвались на пулемет Басурмана, который сидел в отдалении и даже не обратил внимания на разрывы.

– Ну, чё, Псих, классно мы ваши задницы спасли? – победно улыбаясь объявил, подошедший командир казаков. – Чик, и все! Ни тебе хибары, ни бандосов! А, почему? А потому что мы не ЧОПовцы какие-то, МЫ – мощь и сила, одно слово – КАЗАКИ! – Пирожок сжал свои кулачища, и потряс ими у моего лица.

Ванька Пирогин или среди своих – Пирожок, был кем угодно, но только не казаком. В прошлом он был торгашом, чиновником, бюрократам, политическим деятелем, раздолбаем и «реконструктором», а потом, эдак годика три назад, как раз, как Крым «ушел» в Российскую Федерацию, Пирогин, вдруг стал КАЗАКОМ! Таким знаете, лубочным, витринно-показательным, в кубанке или папахе, обязательно в сапогах, в которые заправлены брючины с лампасами, ну, и нагайка в руке. А еще целая россыпь орденов и медалек на груди, виде крестов, звезд и орлов. Вокруг него собралось человек двадцать таких же «реконструкторов», и нарекли они себя гордо – Сотней атамана Пирогина. Ездил эта сотня на войну в Украину, там их немного пообтесали. К удивлению многих Ванька сразу с войны не сбежал, почти полгода продержался, правда, обтирался он больше по тылам, заводя различные знакомства и «наводя мосты». Эта шестимесячная поездка очень помогла Пирожку в жизни, поднялся он сразу на новый уровень,

на тот самый, где раздают блага. А что вы думали, современные казаки, живут тем, что дает земля? Шазз! Что выделяют из федерального бюджета, за то и живут, ну а кто к этому самому бюджету ближе, тот значиться и живет получше остальных.

Когда пришла Беда, у Ваньки погибли оба ребенка, их разорвало взрывом возле школы, жена не смогла пережить этого горя и вскрыла себе вены. Пирожок, тогда начал пить, он и раньше был любителем выпить, а тут как с катушек слетел, ну, оно и не удивительно, горе-то такое! А вот когда начались уличные беспорядки, мародерство, бандитизм, вот тут Пирогин и «воскрес» – собрал всех желающих стать «казаками», выпросил у покровителей оружие и принялся наводить шороху в городе и окрестностях. Меня постоянно звал к себе, но я как-то не хочу служить под началом психа и отморозка, достаточно, что я сам псих и отморозок, похлещи пана-атамана! Гы-гы!

– Ага, пан Атаман, спасли вы нас, – подколол я Пирожка. – Вон, гляди федералы скачут, ща, они тебе нахлобучат, за то, что ты тут учудил, – указал я рукой в сторону пыльного столба, от мчащихся в нашу сторону машин.

– Чего это они меня нахлобучить должны? – надменно поджав губы, пробасил Ванька. – Приказ был четкий, в случае столкновения с бандитами, сразу же открывать огонь на поражение. Тем более, что вы первые начали, так, что это вас нахлобучат!

– Вооот! – глубокомысленно изрек я. – Давай, чтобы никого не нахлобучили, договоримся, что бандосы активно отстреливались из здания весовой. Я даже скажу, что без вашей подмоги, злодеи ушли бы в поле. Дескать, только brave казачки не дали супостату сбежать.

– Окейна! – хлопнул рукой, по подставленной ладони Пирогин, в знак согласия. – Пойду своих ребят озадачу, чё, да как говорить надо.

– Все поняли, как на самом деле было? – спросил я у своих подчиненных, которые все это время стояли рядом и все слышали.

– Яволь, мой генерал, – отозвался Басурман.

Якут, Плов и Сникерс, лишь молча кивнули в знак согласия.

– Палыч, а зачем ты отдал всю победу казакам, – спросил Курган. – Нам, по сути, эти казачки только все испортили. Мы замечательно и сами халабуду эту блокировали. Дождались бы приезда федералов и сдали бы нычку им. А так, эти бегемоты вломились со своими БТРами и все здесь переломали.

– Я знаю Леха, знаю, но поверь мне, так будет лучше. Пусть вся слава достанется казакам...им же достанутся и все последствия от этой славы, какие бы они не были. Надо быть скромным Леха, – подытожил я.

– Палыч, а может нам от греха подальше свалить? – Плов кивнул головой в сторону прибывших федералов. – По ходу сейчас такой замес начнется!

Действительно прибывшие на двух «Выстрелах» и одном «Тигре» федералы, совершенно не обрадовались тому погрому, который учинили казаки. Началась суета, крики, Пирогин крыл федералов матом и грозил расстрелять, но фээсбешники, видя, что к ним подходит целая колонна, состоящая минимуму из дюжины машин, не прогибались, а отвечали таким же матом Атаману.

– Ёпта! – выругался я. – Точняк пацаны, это мы сейчас попадем. Значиться так, Плов и Сникерс бинтуйте Муромского и Басурина. Бошки им обмотайте, ну и руки. Короче, сделайте мне из этих двух мумий. Если, что, то всем говорим, что у нас два «трехсотых» с контузиями от взрыва гранат. Уяснили? И давайте, мужики в темпе, я пойду к федералам навстречу, потяну чуток времени, а может, сразу договорюсь, чтобы нас отпустили на базу.

Договориться с федералами не получилось. Нас сразу же хотели разоружить и отправить в «управу», но я лишь многозначительно покрутил пальцем у виска и отдал по рации приказ Сникерсу, в случае чего, епнуть из «Утеса» по любому, кто пожелает забрать наше оружие.

Ситуация немного выровнялась когда на место прибыл Серый, Камышин и Озеров. Мне разрешили отправить своих бойцов в расположение, тем более, что у «контуженного» Кургана начался очень натуральный приступ с рвотой и пеной из-за рта. Камышин, даже предложил отправить раненых напрямик в городскую больницу, выделив машину для сопровождения, но я отказался, мотивируя тем, что у нас своя хорошая санчасть.

Ну, а мне пришлось до поздней ночи отвечать на вопросы, писать отчеты и объяснительные. Федералы пытали всю ночь. Допрашивали, расспрашивали, заставляли писать отчеты. И чего они ко мне так прицепились, других, что ли свидетелей нет?! Те же казаки? Но, нет, вцепились как клещи в загривок собаки, и кровь сосут. А все из-за Пирожка, который «сдал» меня, рассказав, что я приятельствовал с Бородачом. Наверное, еще и прибрехал с три короба, чтобы федералы от него отвязались. Скотина! Ну, ничего Земля круглая, за углом встретимся!

Под развалами весовой нашли еще три тела, ни Бородача, ни майора ФСБ среди них не было. Вход под землю завалило и разбор займет уйму времени, а потому что не фиг шмалять из гранатометов без разбору.

Около часу ночи появилось мое непосредственное начальство – Велехов Павел Сергеевич и его зам – Серега Бутенко. Босс разговаривал со мной больше часа, выведывая самые мелкие подробности боя. Вместе с начальством приехали и Плов со Сникерсом – их решено было проверить на полиграфе, меня-то уже проверяли.

Что-то мне вся эта активность не нравилось, уж больно много вокруг суеты и непоняток. Ясное дело, что нападение на федералов, расстрел и похищение – это, событие не рядовое, тут такое случается редко, да, что там говорить, впервые у нас такое. Но и вся эта суета, тоже не понятна. Вот скажите, на кой ляд, трясти меня и моих людей?! Мы на эту операцию не напрашивались, нас на неё подрядили, а теперь, эти же федералы, мотают кишки на кулак, подозревая меня в сговоре с Бородачом.

Отпустили нас уже под утро. Оружие вернули в целости и сохранности, даже боезапас не уменьшился. Обрато ехали на командирском «Вепре», он же автобус на базе ГАЗ – 3901. Эта машина от армейской отличалась только цветом – вместо привычной зеленой расцветки, она была белой, ну и внутри, в салоне, сиденья заменены на мягкие кожаные диваны, стоящие буквой – Г. Мягкий диван и усталость сделали свое дело – я вырубился через минуту, как только машина тронулась с места. Проснулся уже на базе.

Велехов приказал всем отдыхать до обеда, но, чтобы в 14,00 были у него с докладом. Есть не стал, хоть и был чертовски голоден. Запер оружие в шкафе-сейфе, упрятав туда же часть амуниции.

Дома никого не было, и не должно было быть, Алие на дежурстве и вернется после девяти. Приял душ и завалился спать. День был долгий и тяжелый. Надо отдохнуть. Засыпал с ощущением чего-то не сделанного, как будто что-то забыл.

Глава 3

Разбудил меня поцелуй в шею. Я лежал не шевелясь, изображая из себя глубоко спящего человека. Алие стянула с меня одеяло, поцелую стали опускаться ниже, вначале грудь, потом живот, потом...

– Ну, я же вижу, что ты уже не спишь, – звонко хихикнув, рассмеялась Алие. – Вон, как стоит!

Я даже не дернулся, продолжая изображать из себя спящего, хотя это было очень тяжело.

– Хорошо, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – с этими словами девушка усе-лась на меня сверху, оседлав как опытная наездница.

Вот тут я уже не выдержал и взвыл от наслаждения...

Барахтались мы с Алие долго – больше часа, первый раз все случилось стремительно и быстро, зато во второй заход, было долго и страстно, крики девушки были слышны, наверное, и на другом конце базы, хотя кричать похоже должен был я, потому что она мне всю спину ногтями изодрала.

Потом мы завтракали, а точнее обедали, потому что на часах стрелки перевалили за час дня. Алие очень хорошо готовит, трапеза состояла из тушеного в сметане кролика с овощами. С едой у нас вообще проблем не было, наши с Алие «офицерские» пойки, могли прокормить втрое больше людей.

Я рассказал своей подруги, что со мной приключилось, она мне рассказала, что проис-ходило на базе в мое отсутствие. Потом пили кофе с пирожными.

Кофе варил я. Для меня это целый ритуал, в который никого не допускал, подруга, зная это никогда не притрагивалась к турке, перебиваясь растворим кофе в мое отсутствие.

Кофе варил на песке, в серебряной джезве – это, если кто не знает, так правильно назы-вать турку. Песок тоже был специальным – кварцевым. Ну и жаровня была не просто так, а заказанная, аж в Арабских Эмиратах. Жаровня была электрическая, что позволяло песку про-греваться равномерно.

Пока песок прогревался в жаровне, измолот кофеинные зерна в ручной кофемолке, вот именно здесь и нужна грубая мужская сила, ибо чем мельче помол, тем насыщеннее получается напиток, а покупать уже молотый кофе – это фу-фу-фу! Да, и самое главное – вода. Вода, тоже не всякая подойдет. Понятно, что не из крана, но и бутилированная после всех этих очисток, то же не канает. Идеально подходит вода из горных родников или талая из ледников. Но где ж её взять? Разве, что заказать у знакомого, который регулярно мотается в столицу Крыма, про-езжая через Старый Крым, где и можно набрать той самой воды, вот только хранить её прихо-дится исключительно в стеклянной посуде, прикрытой такой же крышкой и в холодильнике.

Больше всего мне нравилось наблюдать краем глаза за Алие в тот момент когда я варил кофе, она смотрела на меня с таким восхищением, а в её больших карих глазах читалось какое-то детское удивление и ожидание праздника, что мне порой становилось неловко.

Конечно, следует отметить, что мне с Лией, вообще повезло, она была очень красивой и умной. Причем красота у неё была какая-то внеземная – большие, выразительные глаза темно-карего, почти черного цвета, длиннющие бархатные ресницы, прямой нос, слегка припухлые губы, и очень красивая улыбка. И волосы! Черные как смоль, длинные, вьющиеся. Долше всего мой взгляд задержался на фигуре девушке, а точнее на груди. Дома Лия предпочитала ходить без лифчика, накинет майку или футболку и щеголяет в ней, сводя меня с ума от желани-я. Её груди были идеальной формы и пропорции, их венчали большие соски, задорно торча-щие вверх. Сейчас на Алие была моя футболка, которая скрывала её фигуру, но грудь и изгибы талии все равно угадывались при каждом движении девушки. Кстати, талия у неё была очень тонкой, при желании я мог её заключить в кольцо своими ладонями.

– Воин перестаньте пялиться на бедную девушку и следите за джезве, – сыронизировала Алие, глядя на меня поверх журнала.

– А почему девушка бедная? – спросил я, вынимая турку из нагретого песка, тем самым не давая напитку вскипеть.

– Потому что витязь надолго оставляет её одну.

– Неправда, – парировал я, вновь погружая турку в песок. – Душа витязя всегда с тобой, а покидает тебя только его тело и то ненадолго. Всего каких-то пара дней. Что читаешь?

– Наконец пришли мои журналы, – девушка встряхнула глянец обложки, показывая её мне. – Между прочим, с задержкой в неделю.

Судя по названию, журнал был «не наш», и как всегда связан с медициной. Я, кажется, говорил, что моя Лия не только безумно красива, но еще и чертовски умна, так вот, она в совершенстве владеет тремя иностранными языками: английским, французским и турецким, и это не считая того, что родных у неё два языка – татарский и русский.

Ну, а так, она у меня по профессии – акушер-гинеколог, а еще на ней УЗИ и несколько других аппаратов для различных диагностик у женщин. Лия работает в санчасти нашего предприятия. Хоть в штате у нас женщин не так и много, меньше десяти процентов от общего числа, но работы Алие хватает – она считается один из самых лучших специалистов в своей области, к ней на прием приезжают даже из столицы Крыма. А уж сколько раз её пытались переманить на материк и не сосчитать, но она упорно отказываться.

Честно сказать, я даже не знаю почему, она так упорно держится за свое место. Деньги? Все-таки зарплаты у нас высокие, здесь Лия получает втрое больше чем в государственной клинике, а если прибавить к этому еще и «бонусы» за частных клиентов, то получается – чуть ли не в десять раз выгоднее. Но, думаю дело не в деньгах, вернее не только в них, все-таки в частной клинике где-нибудь в столице или большом областном центре Лия получала бы никак не меньше. Здесь дело было в чем-то другом. В чем не знаю, и честно говоря, даже не хочу знать. Боюсь спугнуть, вдруг подруга соберется и уедет на Большую землю, оставив меня одного.

– Милый тебе идти пора, – проворковала девушка, выдергивая меня из задумчивого состояния.

– Действительно, пора, – часы показывали без четверти два. – А ты чем займешься?

– Дочитаю статью в журнале, уберусь дома и приготовлю тебе чего-нибудь вкусенького на ужин. Балеш хочешь?

– Конечно, хочу.

– Тогда я Колю с Викой позову. Договорились?

– Договорились, – чмокнул Лию в подставленную щеку и вышел в коридор.

Накинул на себя фирменную куртку, кепку, обул легкие ботинки. Перед выходом посмотрел на свое отражение в зеркале. Ну и рожа у тебя Шарапов! С внешностью, а точнее с лицом были некоторые проблемы, которые образовались после того, как в трех метрах от меня взорвался ВОГ, прилетевший с укропской стороны. Мелкие осколки изодрали мне всю морду. Хоть ранение было не опасным для здоровья, голову прикрыл шлем, а глаза – защитные очки со специальным стеклом. Но вот правая щека, часть шеи и плечо усеяло кривыми бороздами шрамов. Плюс ко всему этому, были еще на макушке два шрама – эти еще с армейки, привет от дедов, вздумавших осадить буйного салагу, то есть меня, табуреткой.

Каждый раз, глядя в зеркало, думаю одно и то же – и что Лия во мне нашла? С её внешностью и умом она могла бы окрутить любого, а она почему-то выбрала меня. Странно! Ну, да ладно, выбрала и выбрала, мне же лучше!

Приемная шефа располагалась на втором этаже административного корпуса. В приемной, на стоящих вдоль стены стульях, сидело несколько незнакомых мне мужчин, очень сильно похожих на коммивояжеров или как их называют – менеджеров по продажам.

На правах местного и «своего» прошел через большой холл и навис над столом секретаря – Татьяны Кирилловны. Секретарша у Велехова была тетка в годах, ей едва перевалило за пятьдесят. Мне всегда казалось, что секретарши всегда молодые, смазливые и сисястые, которые только и умеют, что делать кофе и минет. Не знаю было ли что-то личное между шефом и его секретаршей, но вот в чем нельзя было упрекнуть Кирилловну, так это в туеядстве, в работе она была аки вечный двигатель – приходила самой первой, уходила самой последней, знала все и обо всех, Велехов был за ней как за каменной стеной.

– Татьяна батьковна, мне как подождать или заходить? – плитка шоколада легла на стол секретаря. – Меня шеф на два часа ждет.

– Заходи, – не поднимая головы, ответила секретарша. – Он тебя ждет и настроение у него не очень, так, что мажь жопу вазелином.

Грубо сказала, стерва старая, зато по существу, и вроде как предупредила. Мысленно выдохнув и так же мысленно перекрестившись, распахнул дверь и без стука вошел в кабинет к шефу.

– Заходи дорогой, заходи! – шеф вышел мне навстречу, радостно улыбаясь, как будто я принес ему миллион долларов. – Вот побольше, бы нам таких как ты Стас. Мы бы тогда горы свернули. Это ж надо силами одной группы ушатали целую банду, обойдя федералов и казаков. Молодцы!

– Старались, товарищ командир! – отчеканил я, чувствуя фальшь в голосе командира.

– Я вижу, что старались. Да так старались, что никого в живых не оставили.

– Это не мы товарищ командир, это казаки!

– Да, что ты говоришь? – елеиным голосом спросил шеф, при этом взгляд его выражал совершенно другие чувства. – А вот заключение экспертов говорит, совершенно об обратном. Все «двухсотые» – ваших рук дело.

– Да, ладно, – усомнился я.

– Прохладно! – передразнил меня командир. – Все бандосы убиты либо 7,62, либо 12,7. А вот казачьи 5,45 и 14,5, все ушли в молоко.

– Ага, если из КПВТ прилетает, то там все рвет на куски, – усомнился я.

– Крылов, мать твою так! Ты, что, блять самый умный?! – взревел Велехов. – Ты хоть понимаешь, как это выглядит со стороны? Твой дружок – Бородач, сбегал, а всех его подельников ты завалил. Подозрительно? Вот и федералы считают, что подозрительно! Так, что не фиг тут выеживаться и умничать! Нет, ну ты посмотри на этого херамудрого мудахера! Стоит он тут лыбу давит!!! А мне только что федералы все кингстоны железным ершиком прочистили так, что теперь срать можно горизонтально!

– Товарищ командир, так если федералы думают, что я с Решетиловым заодно, почему они меня отпустили? Ну и крутили бы до конца, пока я не сознаюсь, пентотала натрия бы вкатили и всех делов.

– Бля, Стас, радуйся, что не вкатили. Короче, слушай мой приказ: с базы без особой надобности не выезжай. Понял? Тем более у тебя «трехсотые» в группе. Вот и лечитесь. Ворошиловский стрелки, кистень вам в залупу!

– Да, какие там раненные? – махнул рукой я. – Все нормально.

– Нет! – твердо произнес шеф. – Я сказал, что у тебя в группе раненные. Пролечитесь, как полагается, получите медицинскую компенсацию, а потом, если я разрешу, то вернетесь в строй. А пока, всем лечиться и выздоравливать. Понял?

– Да, – тяжело вздохнув, ответил я. – Разрешите идти?

– Иди.

Я, молча, вышел из кабинета. А чего тут скажешь, думал, будет хуже, а так, вроде ничего, шеф орал больше для проформы. Уж, я то знаю, как он орет, когда его заденут за живое. Как, например, в прошлом месяце, когда Плов и Сникерс «выписали люлей» гвардейцам в баре, и

ведь видели, скотины такие, что перед ними росгвардейцы, но нет, полезли в драку. А крайним оказался я, поскольку непосредственный командир у этих оболтусов.

– Что-то быстро он тебя отпустил, – удивленно произнесла Кирилловна, оторвав взгляд от монитора.

– Долго ли умеючи, – глубокомысленно ответил я. – А что у нас с графиком по подготовке личного состава?

– Готов и утвержден, – строго ответила секретарша, – и учти, перекраивать я его в угоду кому-либо не буду, даже если меня об этом попросит Алие. Понял?

– Жаль, – с притворным вздохом произнес я. – Шеф меня на базе решил оставить, так, что я минимуму две ближайших вахты за воротами, пропущу, – и с этими словами направился к выходу из приемной.

– Стоять! – эмоционально выкрикнула Кирилловна. – Дополнительные часы возьмешь?

– Возьму, но только чтобы занятия не выпадали на выходные Лии. Идет?

– Договорились. Я с Лией созвонюсь, и мы вместе график составим.

– Хоккей, – ответил я и вышел за дверь.

Ну, что? Шеф меня запер на базе – так это очень даже хорошо. Буду больше времени проводить с Алие, отдохну, подтяну стрельбу, да и с зарплатой особых минусов не будет, поставят больше инструкторских часов, а за них доплата весьма существенная. И дожди скоро должны поливать, тоже знаете удовольствие не из приятных, торчать в такую погоду «за оградой». Короче, все, что не делается, все к лучшему!

Два часа занимался всякими мелкими делами, которые лучше сделать сразу, пока их число не умножилось настолько, что они перестанут быть мелкими. Сходил в оружейку, почистил все закрепленные за мной «единицы» – два автомата, СВД, три пистолета. Потом почистил и не «закрепленные» за мной стволы, но числившиеся на мне – боевые трофеи, конфискованные у бандосов, которые не сдали властям, оставив в своем пользовании – еще два автомата и шесть пистолетов.

Заглянул в учебную часть, проверил график занятий. Немного потрындел с Колькой Сиплым, нашим штатным оружейником. Заглянул в спортзал. Даже успел забежать в медчасть, чтобы завизировать больничные своих подчиненных.

Домой шел в приподнятом настроении, насвистывая на ходу. А, что имею право, меня ждет любимая женщина, вкусный ужин, хорошая выпивка и веселая компания. Что еще надо в жизни, чтобы быть счастливым?!

Дома меня ждал небольшой обломчик – ужин был не готов. Наши с Якутом дамы решили не сидеть дома, а отправиться «в город» по клубам. Легкое сопротивление в виде ранения Якута и запрет командования мне выезжать за пределы базы, был сметен напором слегка пьяных женщин (дамы успели выпить бутылку массандровского муската). Якута поставили перед выбором: либо ехать по клубам, либо с завтрашнего дня начинать ремонт в квартире, где он проживал со своей женой, ну, а меня было решено вывезти за пределы базы в багажнике машины.

Конечно, при выезде из базы охрана стояща «на калитке» должна была досмотреть багажник, но когда за рулем сидела моя Лия, её пропускали всегда без досмотра. Спросите, почему? Да, потому что в неё была влюблена вся мужская половина нашей базы.

– Стас спит и просил его не будить, иначе он прибудет любого, кто это сделает? – из багажника я слышал, как Алие отвечает на вопрос охранника обо мне.

– А если война, можно Станислава Пальгача разбудить? – задал очередной вопрос боец, он явно тянул время, желая подольше пообщаться с Лией.

– Если только с китайцами, – ответила Алие, пригизывая педалью, давая понять, что разговор ей наскучил и пора бы поднять шлагбаум.

– А если война начнется с американцами? Будить или нет? – не унимался охранник.

– Нет, с американцами сами справитесь, – опустив стекло, с заднего ряда прорычал Якут. – Чего прицепился, поднимай жердину и пропускай.

Труба шлагбаума взметнулась вверх как по волшебству и машина – Форд Мондео плавно тронулся с места. Тот факт, что Алие выпила вина, и села за руль, несколько не смущал, время такое, что о гражданском ГИБДД все забыли, их функции взяла на себя военная полиция, но их сил не хватало на все, поэтому на такие мелочи, как проверка водителей на алкоголь, закрывали глаза. Сейчас на многое закрывали глаза, время такое... жестокое!

Хоть багажник у Мондео и просторный, но лежать в нем удовольствие не из приятных, чувствуешь себя сардиной в банке. Выпустили меня на волю, как только ворота базы скрылись за поворотом. Я сразу же занял место водителя, а то Лия у меня лихачит за рулем, а уж когда в ней сидит небольшой градус, так вообще, может и до двух сотен разогнать машину... а оно нам надо?! Тронувшись с места, мысленно поморщился, каждый раз когда сажусь за руль легковушки, схватываю мимолетное ощущение клаустрофобии, все из-за того, что чаще всего перемещаюсь на больших машинах, высоко поднятых над дорогой. А сейчас мне казалось, что еду задницей по асфальту.

Чтобы добраться до безопасной части города, той, которая не пострадала от терактов и контролировалась силовиками, пришлось выезжать на окружную и делать крюк. Безопасной считалась западная часть города, она была самой молодой, здесь располагались недавно построенные и сданные в эксплуатацию многоэтажки жилых домов и коттеджные поселки. Еще пару лет назад здесь была голая степь и заброшенные поля, но с вступлением Крыма в РФ, на город пролился инвестиционный ливень, породивший строительный бум. Дома вырастали быстрее, чем грибы под дождем.

Пить я сегодня не собирался, во-первых, не хотелось, а во-вторых, завтра у меня занятия с группой курсантов, ну и федералы всегда могли дернуть на допрос, поэтому лучше, сегодня вечером я побуду трезвенником. Обход «злачных» мест начали с кафе «Мерхаба», где подавали преимущественно блюда восточной кухни. Отужинав ягнятиной тушенной с овощами, свежими, еще горячими лепешками и салатиками, завалились в первый «клуб».

Это раньше, в старой, мирной жизни клубы старались поразить своим разнообразием, теперь же любое прикрытое стенами помещение, где разливали спиртное, были столики и звучала музыка, гордо именовалась – Клубом, а по сути своей являлось столовкой + наливайкой + деревенской дискотеккой. А, что поделать, если других развлечений в округе нет.

Сегодня здесь был ажиотаж, судя по публике, кто-то праздновал чей-то юбилей, а может, был какой-то другой повод. Народу было много, в основном молодежь, короче – весело!

Мы расположились за столиком в так называемой, вип-зоне – два полукруглых дивана пошлого красного цвета из кожи молодого дерматина, окружали полукольцом низкий столик, сделанный из твердого пластика цвета «бэж». Оружие на входе не проверяли, что меня немного напрягло, потому что свои пистолы, мы бы по-любому оставили при себе, а вот осознавать, что в гуляющей, пьяной толпе вполне может быть еще парочка таких же стрелков, как и мы, было неприятно.

Заказали салатика, ролы и текилу. Ну, это так для начала. Трезвым был назначен Якут. Девчонки щебетали между собой, а мы с Якутом пялились на танцпол, я просто так от скуки, а Колян профессиональным взглядом «чесал» публику, выискивая опасность. А фули тут выглядывать, бери каждого второго под белы ручки, вали на пол, да шмонай карманы, верняк найдешь что-нибудь нелегальное – наркоту, оружие или все вместе!

Как только принесли заказ Лия сбежала в дамскую комнату. Ролы были так себе – рыба пресная, рис сухой, соевый соус слишком соленый, а васоби рассыпалась песком. Поковырявшись палочками в тарелке, и не найдя ничего путного, позвал официанта и вынес ему мозг, предупредив, что если повар не исправит все в течение двадцати минут я закрою их заведение. Во время разговора, я так ненавязчиво дал ему увидеть пестик в поясной кобуре. Официант

исчез, а через минуту, Якут кивком головы указал направление, куда надо смотреть. На нас пялилась парочка бармалеев – невысоких крепыша, смуглого цвета кожи с кучерявой растительностью на голове и короткими бородками. Видимо «крыша» этого кабака.

Официант появился через десять минут, с извинениями, новой порцией еды и большой бутылкой виски. Ну, вот, так бы и сразу. Роли оказались вполне ничего, все свежее и вкусное, виски, судя по этикеткам и состоянию крышки, очень может быть, что «оригинал» из-за бугра, а не какой-нибудь «самокат» разлитый в соседнем подвале.

Виски оказалось на уровне, и я позволил себе немного расслабиться, откинувшись на спинку дивана смакуя напиток, закусывая его очередным роллом.

Чего-то моя половинка не идет назад. Заблудилась что ли? Попросил Вику сходить в женскую комнату узнать что случилось. Вика вернулась через минуту и встревожено рассказала, что в туалете Лии нет.

Ёпта! Вот так новость. Куда же делась моя драгоценная?!

Возле туалета нас поджидал администратор заведения.

– Извините, но вам туда нельзя, – преградил нам дорогу худощавый парень весьма хлипкой наружности. Весь такой напوماженный. Бррр. Пидор, что ли?

– Руку убрал, – коротко приказал я. – У меня девушка пропала. Пошла в туалет и не вернулась. Выйти отсюда можно либо через зал, но мы бы её заметили, либо через кухню. Я сейчас проверю сортир, а потом все подсобные помещения, включая кухню и подвал.

– Вам в туалет нельзя, он женский! – дрогнувшим голосом, продолжал настаивать администратор. – Где ваша девушка, я не знаю, и если вы будете продолжать себя так вести я вызову полицию.

– Вызывай! – ответил я, ткнув парня пальцем в печень. Палец напоролся на твердь бронжилета. – Не понял? – удивленно пробормотал я.

Ну, а дальше завертелось, закурилась карусель, больше похожая на мясорубку.

Администратор дернулся, пытаясь вырваться из захвата, он даже смыкнул рукой в нелепой попытке меня ударить, но я сместился в сторону, беря паренька «под локоток», фиксируя на болевой. В дальнем конце коридора, распахнулась дверь, из-за неё вывалились двое бородатых типов в кожанках куртках, у обоих на головах белые вязанные тубетейки. У одного в руках был «кедр», у второго ПМ.

Все-таки хорошо быть инструктором по стрелковой подготовке, регулярные тренировки заставляют держать себя в норме. Есть такое упражнение №11 – «Скоростная стрельба в условиях ограниченной возможности для прицеливания». Цель: специальная поясная (мишень № 2а), установленная на высоте уровня глаз стреляющего. Зона поражения ограничена сплошной овальной линией. Расстояние до цели – пять метров, три патрона, время на стрельбу – пять секунд. По команде «Огонь» сотрудник извлекает пистолет из кобуры, выключает предохранитель, досылает патрон в патронник и производит три выстрела в мишень. Стандартно это упражнение выполняется с пистолетом Макарова, который находится в штатной кобуре, с которой нельзя производить никаких предварительных ухищрений – подрезать, заминать, расстегивать. Мой личный рекорд – 3,9 секунды, чаще 4,5 – 5 секунд.

Сейчас у меня был не ПМ, а Глок и не казенная кожаная кобура с хлястиком на застежке, а компактная поясная «оперативка» из высокопрочного пластика – кайдекса. Она отлично обеспечивает и скрытое ношение и легкое извлечение оружия. Пистолет фиксируется надежно без всяких застежек. Даже, если засунуть его не до конца, не вывалится.

Дернув парня на себя левой рукой, молниеносно вытащил пистолет из кобуры и тут же открыл огонь по бородачам. Хлыщ в бронжилете прикрыл меня собой, стрелять пришлось из-под его руки. Все-таки чем хорошо «Глок», так это принципом действия – «выхватил и стреляй», предохранителя нет. Оба бородача свалились как подкошенные, получив хорошую порцию свинца, классического Double Tap не получилось, потому что я стрелял держа пистолет

одной рукой, что честно говоря, не привычно, да и стрелять скрючившись за живым щитом в виде худосочного администратора то еще удовольствие. Но, не смотря, ни на что отстрелялся отлично – обе цели закрыто «наглухо».

– Китаеза держи тыл, – обернувшись, приказал я Якуту.

Колян прикрыв своим телом Вику, и так держал под прицелом выход в общий зал.

Хрясь! – стукнув администратора лбом об стену, я оглушил его и тут же ударом в затылок надежно вырубил. Ну, чтобы под ногами не путался.

– Я вперед, ты страхуешь, – распорядился я. – Этого затащи в туалет и спеленай. Вику пошли, чтобы вызвала наших. Хоп!

Подхватив с пола оброненный «Кедр», закинул его себе на шею. Резко открыв дверь, тут же ныряю внутрь и мгновенно ухожу в сторону, чтобы не маячить в дверном пролете. Ствол пистолета рыщет в поисках цели. Никого! Небольшое помещение, отведенное под кладовку. По-над стенами лежат мешки с картошкой, ящики с овощами и упаковки спиртного. Пусто!

Дверь, ведущая на улицу, закрыта изнутри на засов. Открыл дверь, выглянул наружу. Тупичок образованный двумя домами, переполненный мусорный бак, источающий зловонную вонь. Пусто!

Ошарашено повертел головой в разные стороны, пытаюсь привести мысли в порядок. Что же это такое? Куда делась Лия? Куда?! Её похитили и увезли? Кто? Зачем?

Вопросы. Только вопросы и ни одного ответа. Что делать? Меня охватило чувство беспомощности и нереальности происходящего.

Стоп.

А это у нас, что?!

Камера?

Отлично!

Пора пообщаться с администратором. Вернулся обратно. Якут перегородил вход в коридор, не подпуская никого к туалету. Как ни странно паники в заведении не было, продолжала грохотать музыка, кажись, никто не обратил внимания на выстрелы. Ну и хорошо. Постепенно я приходил в себя, внутри просыпался охотничий инстинкт и желание отыскать злодея и перегрызть ему глотку. Алкоголь выветрился из головы напрочь, мощный выброс адреналина прогнал его.

– Наших вызвал?

– Да, скоро будут, – ответил Николай. – Ну, что там?

– Ничего. Кладовка, а за ней дверь, ведущая на задний двор. Там пусто, но есть камера наблюдения. В общем, держи коридор, а я допрошу с пристрастием этого дрыща, – кивнул в сторону сортира.

Администратора вытащил из туалета за ногу, это его как раз приедет в чувства. Руки паренька были стянуты пластиковой стяжкой, парочку таких, опытные люди, такие как мы с Якутов, всегда носим с собой. А, что много места не занимает и может в любой момент пригодится.

– Значиться так, я буду задавать вопросы, а ты на них отвечать. Если промолчишь, скажешь неправду или ответишь недостаточно быстро, буду тебя бить. Понял? – наклонившись над лежавшим на полу администратором, спросил я.

– Я...

Резкий удар без замаха в печень и парень корчиться от боли, извиваясь ужом. Ему больно, очень больно, у него даже дыхалка сбилась, от этого он не может кричать, и лишь жадно хватая ртом воздух, пучит глаза.

– На мой вопрос, должен быть ответ. Понял?

– Я... – парень вновь попытался что-то сказать, но опять проглотил слова, получив удар в печень.

– Понятно, вы батенька тупица и болван, – резюмировал я. – Ну, что ж, сам напросился.

Схватив пленник за пышную шевелюру волос, потащил его к лежащим в лужах крови боевикам. Оба застреленных получили порции свинца в голову и грудь. Тот, что лежал справа, светил огромной раной на разорванной в хлам шее. Пуля попала в шею, пробила её навывлет, ударилась в стену и, уйдя в рикошет, вновь впиалась в шею, но уже под другим углом и изрядно деформировавшись от удара, из-за этого вместо аккуратного отверстия на шее не хватало приличного куска плоти.

– На, сука! Нюхни мяса! – я ткнул пленника несколько раз в развороченную шею трупа. – Ну, что, поддонок, уяснил как себя вести надо? Не слышу?

– Да-ааа, – еле слышно проблеял парень, его лицо побелело подобно фарфоровой тарелке.

На парня тяжело было смотреть, он трясся и что-то бормотал себе под нос. Еще немного и можно «передержать».

Стоп!

– На, хлебни! – я подсунул бутылку водки, так кстати принесенной Якутом. Пленник тут же присосался к горлышку и принялся жадно глотать содержимое.

Епта! Я едва успел отскочить в сторону, когда паренька начало рвать, он содрогался всем телом, выплескивая содержимое желудка на пол.

– Куда делась девушка? Такая красивая, с черными волосами, в темном платье? Она зашла в туалет, а потом исчезла, – я сыпанул вопросами, пока паренек не вырубился от выпитой водяры и перенесенного стресса.

– Не знаю. Мне позвонили и сказали, что надо помочь. Я выпустил девушку на улицу через подсобку, а вместо неё пришли эти двое, – парень кивнул на тела лежащие рядом. – Я просто не мог отказать, но и неприятности с вами мне тоже не нужны.

– Кто тебя просил помочь?

– Компаньон хозяина. Тагил. Он у нас вроде крыши.

– Тагил?! – переспросил я. Никогда не слышал о таком. – Хозяина как зовут?

– Айбат Казоев, его еще часто называют Батыр. Слышали?

– Нет. Да и по хрену, как его называют. Батыр-шматыр, мне фиолетово.

– Вызывай сюда этого Тагила, скажи неприятности в заведении, нужна помощь.

– Он же меня убьет, – тихо простонал администратор.

– Дебил? Он же твоя крыша. Правильно? В заведении проблема, поэтому нужно вызывать покровителей. А вот если не сообщишь вовремя, вот тогда тебя и прибьют.

Паренек молча кивнул в знак согласия и принялся вызванивать кого-то по телефону. Он вкратце рассказал о случившемся немного приврав в конце. С его слов получалось, что я и Якут застрелили двух бородачей и убежали.

Ну, что, очень даже ничего получилось.

– Телефон давай сюда, – выхватил из пальцев администратора его смартфон. – Откуда обычно заходит хозяин? С парадного входа или через подсобку?

– Когда, как, – пожал плечами администратор. – Думаю сейчас появиться с черного входа. Надо же как-то трупы выносить.

– Логично, – резюмировал я.

Администратора вновь спеленали и заперли в туалете. В коридор несколько раз заглядывали посетители, видимо из тех, кто хотел посетить уборную, но натыкались на Якута и возвращались в зал.

Перевернув ногой труп боевика, быстро охлопал карманы, извлек мобильник, нож, несколько скомканных бумажек и брезентовую сумку- кобуру для пистолета-пулемета. Что тут у нас?! Запасной магазин на 20 патронов. Мало, но лучше, чем ничего.

Конечно, все это не правильно. Самостоятельно обыскивать трупы, вызванивать клубную «крышу», забивать стрелу. Но, что сделаешь, если пропал твой любимый человек, и ты понимаешь, что обратный отчет пошел на секунды. Если сейчас упустить момент, то потом можно уже Лию и не найти. Время сейчас смутное, похищения людей, а особенно молодых, красивых девушек происходят регулярно. Так, что надо спешить. Пусть лучше меня потом накажут, осудят за самосуд, это не важно. Главное сейчас – это успеть спасти Алие!

Вначале я хотел дождаться Тагила непосредственно в помещении склада, но потом решил, что лучше иметь хоть какое-то пространство для маневра, а, то не дай бог, закинут внутрь гранату и усе, поминай как звали.

Место для скрытного наблюдения за тайным входом в клуб я нашел быстро. По соседству с клубом расположилось двухэтажное здание с пристройкой. На крышу этой пристройки я и вскарабкался.

Через семь минут после того как я расположился на крыше пристройки проулок осветил свет фар приближающийся машины. Отлифтованный Тойота Раф 4 стального окраса с шипастыми колесами и мощным кенгурятником спереди. Хлопнули дверцы и наружу вылезли четверо мужчин крепкого телосложения. Одеты все в легкие кожаные куртки, под которыми легко можно спрятать пистолеты и компактные автоматы наподобие «кедра».

План захвата был прост: злодеи выходят из машины, начинают ломиться в закрытую изнутри на засов дверь, им никто не открывает, они нервничают, если в машине кто-то остался, то он выходит, ну и когда они все оказываются в поле моего зрения, на сцене появляюсь я, и угрожая им «огрызком» кладу всех мордами в землю. Дешево и сердито!

Вау-вау-вау! – раздался оглушительный вой полицейской сирены. Звук доносился из моего кармана. Твою мать! Это же мобильник, который я забрал с тела убитого владельца «кедра».

Меня заметили!

Внизу раздалась громкие крики на знакомом каркающем языке. Турки! Вот так новость. Бля! Я сам себя загнал в ловушку. Их четверо, мне никак не положить их одной очередью, «кедр», та еще трещетка, одиночными из него стрелять милое дело – ствол тяжелый, кучность вполне приличная, а вот если стрелять очередями, то разброс пуль такой, что они летят куду угодно, но только не в цель.

– Сесеис салаклар, – что есть мочи закричал я. В переводе с турецкого это означало «молчать идиоты», а дальше наиболее распространенное в Турции ругательство, – Сосуклар эссек!

Тут же вскакиваю, наводя на них ствол пистолет-пулемета. Четверо. Замерли на мгновение, огорошенные моим турецким. Как я вас понимаю ребята, сам в шоке!

– Замерли, пидоры, а то разделаю, как бог черепаху, – договорить я не успел, четверка бандосов резко пришла в движение, сыпанув в разные стороны. Опытные гаденыши!

Пистолет-пулемет задергался в руках, извергая огонь и струи свинца.

Без плечевого упора из «кедра» стрелять неудобно и малоэффективно, особенно когда садишь очередями. Но ничего, одного точно зацепил, мужик в адидасовском сером костюме растянулся на асфальте, вереща что-то на своем родном каркающем языке.

Плюхнулся на засыпанный крошкой рубероид и тут же откатился в сторону, а потом свалился вниз, на землю. Перезарядил «кедр», вставив в приемник второй, последний магазин.

В стену и крышу пристройки ударили пули – турки открыли ответный огонь. Хлопнули дверцы автомобиля, мотор взревел и под грохот непрекращающихся пистолетных выстрелов мимо меня пролетел автомобиль.

Стрелять я начал как только машина поравнялась со мной. До цели было не больше пяти метров. На такой дистанции и из «кедра» не промажешь. Боковые стекла покрылись паутиной

трещин, несколько пуль прилетело и в лобовое стекло, как раз напротив водителя. «Тойота» не сбавляя скорость, со всего маху влетела задницей в стену дома.

Перейдя с «длинного» на «короткий», отстрелял магазин «глока» по машине, целясь сквозь лобовое стекло в салон. Подушки безопасности в «тайоте» не сработали, видимо плечевые ремни были не пристегнуты.

Заменяв магазин в пистолете, осторожно начал подходить к внедорожнику приставным шагом.

Бах! Бах! – грохнули сзади пистолетные выстрелы. Крутанувшись вокруг своей оси, развернулся назад, плюхаясь на одно колено.

Порядок!

Из полуоткрытой двери торчит Якут. В руках у него пистолет. А тот подранок, которого я застрелил из «Кедра» с крыши пристройки, лежит в другой позу и в руках у него пистолет. Ага, значит, я его зацепил не сильно, и он хотел мне засадить в спину свинца, а вовремя появившийся Якут спас мне жизнь. Двойка тебе, пан Псих, надо было вначале обезопасить тыл, и только потом лезть вперед.

Ба-бах! – приглушенно рвануло в салоне расстрелянной «тойоты». От взрыва открылась задняя левая дверь, из неё повалил серый дым.

Что это там «пукнуло»?! – удивленно подумал я. Не иначе как граната взорвалась. Самоподрыв? С чего бы это?

Водителя «тойоты» и сидевшего рядом с ним на переднем сидении поразили мои пули, так же несколько ранений получил и третий, сидящий сзади, но видимо его только ранило, по крайней мере, в отличие от двоих спереди пулевых отверстий в голове у него не было, как впрочем и большей части грудной клетки, живота и руки – все это расплескало по салону машины от разрыва гранаты. Кровища, перемолотые кости, разорванные кишки, слизь и дерьмо.

– И что теперь делать? – деловито спросил, тихо подошедший Якут. – Языка, я так понимаю, у нас нет.

– Коля, останешься здесь, прикроешь меня. Лады? А я возьму в охাপку администратора и попробую узнать, куда могла деться Алие.

– Сделаем командир, – хлопнул меня по плечу Якут. – Может лучше вдвоем?

– Нет. Так на нас объявят охоту свои же. Ты потяни времени, сколько сможешь, а потом сдавайся, а то не дай бог, тебя закроют по полной.

Якут неопределенно хмыкнул и протянул мне свои запасные магазины к «глоку». Вовремя, а то у меня боезапас на исходе.

– Короче, я скажу, что те двое, ну которых ты завалил в коридоре, расстреляли машину, а потом забежали в клуб, где я их уже застрелил из пистолета. Глядишь, до утра время выиграю.

– Молодца! – обрадовался я, смекалке друга. Версия, конечно так себе, шита белыми нитками, но до утра действительно успеем выиграть время. – Только ты шепни нашим, чтобы ориентировки на Алие разослали по всем постам. Велихову, все как есть расскажи, должен старик помочь.

Бедолагу администратора вытащил за шиворот из туалета и пинками погнал на улицу. Тощий рыдал и умолял его не убивать, он был свято уверен, что его сейчас застрелят. Видимо так на него подействовал вид расстрелянной «Тойоты». Я не стал его разубеждать, лишь поинтересовался кто из убитых Тагил. Оказалось, что не удачливый гранатометчик, подорвавшийся на гранате. Увидев микс из дерьма, мяса, слизи и порванных кишок администратор затрясся как паралитик и принялся блевать. Ну, что за молодежь пошла, хилая какая-то, слабая?!

Оказалось, что жил хозяин заведения совсем рядом – в большом доме, около бывшей пожарной части. Знаю я этот домик, у него на фасаде была еще сделан здоровенная надпись арабскими закорючками. По ходу, Батыр-шматыр, муслик. Трехэтажные хоромы с пафосным

двухцветным фасадом, украшенным колоннами, статуями и прочей хренью в виде вензелей, балюстрад и ротонды на террасе второго этажа.

– Давай, дуй к своему боссу и вытащи мне его на улицу. Понял? – напутствовал я администратора, толкнув в сторону дома.

– А если он не захочет выходить?

– Значит, я тебя застрелю у него на пороге, и тогда он точно выползет наружу, – ответил я. Прячась за ближайшим поворотом забора.

Парень долго стучал в дверь, колотил в неё кулаком и даже пару раз лягнул ногой. Дверь не открывали. Через несколько минут томительного ожидания, администратор догадался дернуть за входную ручку двери. Дверь подалась и легко открылась на себя. Не знаю почему, но я сделал шаг назад.

Ба-бах! – калитка потонула во всполохе огня, дверь сорвало с петель, отбросив на середину улицы. К моим ногам плюхнулась культа руки. Хана дрыщ, отпрыгался администратор.

Сука! Да, что за день сегодня такой?!

Торчать возле злополучного дома не было смысла, поэтому я убежал прочь. Времени мало. Время сейчас работает против меня. Если Алие вывезут из города, то шансов на то, чтобы отыскать её и спасти может и не быть. Вывезут в горные районы и все пиши пропало!

Вернулся поближе к цивилизации, поймал такси – раздолбаную Ладу «икс-рей» и направил таксиста в северный район города, где располагался ж/д вокзал. Водила ехать не хотел, но пара тысячных купюр убедила его. Таксисты не любят железнодорожный район из-за того, что там легко можно остаться не только без колес, но и без вещей, мобилы ... и жизни.

Домчались быстро, минут за двадцать. По дороге навстречу попались несколько машин «Скорой помощи», пожарный КамАЗ и автобус с росгвардейцами. Водитель такси лишь хмурился и опасно косился на меня, видимо чувствовал, что я имею какое-то отношение ко всему этому переполоху. Таксисты они такие – экстрасенсы, которые жопой чувствуют неприятности и опасность.

Найти нужный дом не составило особого труда, тем более, что я здесь бывал не раз и не два. Двухэтажное здание на окраине поселка, где когда-то жили семьи путейцев. Сейчас здесь царил разруха и опустошение.

В дверь долго стучал ногой, пока изнутри не раздался сонный голос:

– Псих, какого черта, ты стучишь? До утра подождать не мог?

Распахнулась дверь и на пороге возник худощавый мужчина, голый по пояс, одетый в застиранные треники и тапочки на босу ногу. Со стороны могло показаться, что на нем все-таки есть рубаха с длинным рукавом. Но это только если особо не приглядываться – торс, плечи, живот, руки до кистей, все было «наглухо забито» татуировками, сплошной синий ковер.

– Фюрер времени в обрез, нужна твоя помощь, – поторопил я бывшего одноклассника, увлекая его внутрь.

Коридор несколько раз ломался, ведя через комнаты разной величины, наконец, я добрался до жилой части – комнатки площадью в двадцать квадратов, где было тепло и пахло огнем. В углу стояла печка-буржуйка, на полу стопка дров, вдоль стен длинные стеллажи забитые книгами, тут же большой стол накрытый зеленым сукном и несколько ЖК-мониторов, на которые передавалась картинка с камер наружного наблюдения. А еще в комнате было три двери, которые, как я знал, вели в арсенал, бункер и санузел. Но куда какая, уже не помнил.

– Пить будешь? – спросил Фюрер, он же Витька Сидоров. На столе появилась початая бутылка водки и еще один стакан.

– Нет Витек, не буду. Проблемы у меня. Поможешь?

– Где Бородач не знаю и искать его не хочу, – огорошил меня Сидоров.

– Мне Бородач по барабану. У меня Алие пропала. Надо найти.

– Как пропала?

– Мы в клубешнике были. «Кокос», знаешь такой? Лия зашла в туалет, а потом пропала. Я пошел её искать, но не нашел, зато на меня напали два бармалея, а потом, вообще, такой замес начался, с автоматами и взрывами. Итог – гора трупов и ни одной зацепки. Надо найти хозяина клуба – некий Батыр, он же Айбат Казоев, жил на улице Комарова, что за пожарной частью. Думаю, Алие похитили, чтобы продать в рабство, а может спецом охотились на неё, все-таки она у меня спец по всяким бабским болячкам. Могли и заказать. Ну, что поможешь?

– Ща, дай сообразить, – Сидоров задумался на секунду, потом схватил трубку старинного дискового телефона, выпуска середины двадцатого века и набрав на нем короткий номер в две цифры, дождался пока на другом конце возьмут трубку, зычно крикнул, – Шкет? Бегом ко мне.

– И где ты этого монстра откопал? – кивнул я на телефонный аппарат в карбалитовом корпусе. – Принципиально, что ли рацией или мобилой не пользуешься?

– Конечно, – кивнул головой Фюрер. – Их же прослушать можно, а этого старичка никак, ну если только к проводам не подключиться, но на этот случай у нас есть одна хитрость, но какая, я тебе не скажу, потому что ты из конкурентной фирмы.

– Басота вы районного масштаба, а не фирмаА, – пренебрежительно хмыкнул я. – Есть чего пожрать?

– Ща, зрбымо.

Сидоров засунул руку под стол, там у него был небольшой «гостиничный» холодильник. Передо мной возник не хитрый натюрморт на тарелке: кусок сала, луковица, горбушка черного хлеба, кольцо кровяной колбасы, четыре варенных яйца и парочка крупных картофелин сваренных в мундире. Фюрер тут же очистил лук от шелухи, порезал сало, хлеб и колбасу. Потом он протер нож тряпкой и положил его на стол. Нож был интересный – копанный окопный клинок вермахта с клеймом Пума, Золинген, рукоять – бакелит. На клинке дополнительно набит номер, что этот номер означает Фюрер не знал, но очень этим фактом гордился, потому что с его слов выходило, что обычно подобные ножи шли без номеров, значит, этот клинок был из особой партии.

Этот нож, да наколки на теле – это все, что осталось у Фюрера от старой жизни. Фюрером, кстати, его называл, только, один человек – я, у остальных он выбил это привычку... вместе с зубами. Раньше, в старой жизни, Виталий Сидоров был ярым ультраправым или попросту неонацистом. А еще он был «копачем» или как их модно называть – «черным археологом», коллекционером и собирателем всего, что связано с историей Второй мировой войны. Бои в наших местах шли упорные и ожесточенные, за годы войны город несколько раз переходил из рук в руки, так, что военного железа в земле хватало с головой.

С того, что взял на копе Фюрер и жил, откопает котелок, восстановит его, потом продает. Военное железо всегда хорошо шло, энтузиастов, которое за котелок, ложку, жетон или подсушок готовы заплатить, хватает. Ну, а если орден найдешь, медаль или еще что-нибудь ценное, так совсем хорошо, при удачном стечении обстоятельств можно обеспечить себе сытую жизнь на несколько месяцев, а то и лет. Отдельно стоит рынок копанного оружия и боеприпасов, тут выхлоп поинтересней будет, но и риск попасть на нары тоже увеличивается в разы. За спиной у Фюрера было две судимости, обе за хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, первая – "условка", вторая – три года лишения свободы, вышел через два. В тюрьме приобрел: специальность сварщика, россыпь портаков на спину и грудь, плохо сросшую после перелома ногу, из-за чего хромал и сутулился.

Когда начался второй Майдан в столице Украины, Фюрер, как и многие «нацики» поехал туда для борьбы с «ворюгой Януковичем», бился против «Беркута» на баррикадах, потом когда началась заваруха на Донбассе, вместе со своей сотней отправился воевать против сепаров. Что произошло дальше Сидоров мне не рассказывал, да я и не спрашивал особо, в чужую душу лезть не надо, придет время сам расскажет, но только Фюрер, расстрелял полвзвода своих быв-

ших сослуживцев и соратников и, перейдя линию фронта, сдался Луганской народной милиции. В плену я его и встретил, вытащил, помог переправиться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.